

УДК 81'373.2

И. С. Базылева

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ 'СМЕХ'

В статье рассмотрены ономасиологические группы русских и английских лексем и фразем с семой 'смех', представленные в основных грамматических классах данных номинативных средств двух языков. Показана различная роль лексики и фразеологии в грамматико-категориальной организации поля 'смех': если лексика задает основные направления в структурной организации данного поля, то фразеология добавляет в поле номинативные единицы терминологического и экспрессивно-стилистического назначения.

Введение

Лексика и фразеология того или иного языка, являясь основными языковыми источниками знаний о мире, все же по-разному представляют языковую реальность. В предлагаемой статье показаны различия между лексикой и фразеологией по той роли, которую они играют в ономасиологической организации лексико-фразеологического поля (далее ЛФП) 'смех' в русском и английском языках. В понимании семантики номинативных средств языка (лексики и фразеологии) автор следует концепции, согласно которой следует различать языковую картину мира (языковое сознание) и наивную картину мира (обыденное сознание). Данный подход представлен в работах С. М. Толстой [1, 125], Ю. Д. Апресяна [2, 37], Н. Б. Мечковской [3, 227] и в некоторых более поздних работах других авторов. В указанных работах языковая картина мира понимается как знания о мире, которые содержатся в семантике языковых единиц, в первую очередь, лексем и фразеологизмов, а также в словообразовательной и грамматической системах.

Источниками языкового материала послужили русские и английские общие и терминологические словари. Отбор лексико-фразеологического материала проводился путем сплошной выборки на основе компонентного анализа словарных дефиниций лексем и фразем. В материал исследования включались единицы, которые содержат в своих словарных толкованиях лексемы *смех* / *laughter*, *laugh* или их дериваты, синонимы, а также слова того же парадигматического ряда. При этом в картотеку исследования включались лишь те слова и фраземы, для которых потребовалось не более трех семантизирующих шагов для обнаружения семы 'смех'. Например, ФО *натянуть (наставить) нос кому-л.* 'одурачить, провести кого-л.' не содержит слова *смех*, его синонимов, дериватов, слов того же парадигматического ряда ни в своем составе, ни в своем значении. Сема 'смех' присутствует здесь опосредованно в значении слов *одурачить*, *провести*. Для обнаружения семы 'смех' в значении слова *одурачить* потребуются один семантизирующий шаг: *одурачить* означает 'обманом, хитростью поставить в глупое, смешное положение'. (Ввиду ограниченного объема статьи далее в тексте семантизация некоторых русских лексем опускается и приводится лишь в тех случаях, когда она не является очевидной.) Следует также отметить, что многие лексемы рассматриваемого поля являются многозначными, т. е. представляют собой совокупность взаимосвязанных лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Многозначное слово, как отмечает Л. А. Новиков, может входить в то или иное объединение (синонимический или антонимический ряд, поле) только определенной частью своего содержания, т. е. одним или несколькими ЛСВ [4, 111]. По этой причине многие лексемы ЛФП 'смех' были отнесены к различным ономасиологическим группам. Указанная особенность формирования корпуса исследуемой лексики и фразеологии объясняет различия между фактическим количеством лексем, рассматриваемых в работе (представлены в таблице 1), и суммарным количеством слов по ономасиологическим группам (представлены в таблице 2). Фраземы с семой 'смех', в отличие от лексем, в подавляющем большинстве однозначны, поэтому расхождений между фактическим и суммарным количеством фразем, рассматриваемых в работе, гораздо меньше, чем количественных расхождений в лексическом материале. Как отмечает Н. М. Шанский, «в фразеологической системе полисемия распространена несравненно уже, чем в лексике, <...> подавляющее большинство фразеологических оборотов моносемично» [5, 55–56].

Общее количество рассматриваемых лексем и фразем составляет 1241 единицу. Соотношение лексики и фразеологии в узуальном поле номинативных средств с семей 'смех' представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение лексики и фразеологии в узуальном поле номинативных средств с семей 'смех'

Номинативные единицы	Русский материал	Английский материал
Лексемы	651 (80,9%)	493 (77,4%)
Фраземы	153 (19,1%)	144 (22,6%)
Всего	804 (100%)	637 (100%)

Существенное расхождение в количестве русских и английских лексем обусловлено, с одной стороны, большим числом морфемных дериватов, однокоренных и стилистических синонимов в русских словарях, а с другой стороны, большей многозначностью английских лексем, в силу чего некоторые значения данного поля выражаются не морфемными дериватами, а семантическими, включая конверсию. Различия в количестве лексем и фразем между двумя языками не представляются существенными для данного исследования, поскольку наша задача состоит не в сопоставлении одноименных полей в двух языках, а в исследовании лексической структуры поля в каждом языке, в выявлении закономерностей презентации фрагмента картины мира в лексике и фразеологии каждого языка в отдельности.

Результаты исследования и их обсуждение

В лингвистике различают два направления изучения значения: семасиология и ономасиология. Как указывает В. Г. Гак, в отличие от семасиологии, которая изучает значения языковых единиц вообще, ономасиология изучает способы языкового обозначения внеязыковых объектов, т. е. предметов и понятий [6, 289]. При ономасиологическом подходе изучения значения, принятом в данной работе, семантические единицы группируются на основе их предметно-понятийного единства, т. е. на основе «понятийной, содержательной общности внутри того или иного поля» [4, 83].

Для того чтобы выявить основные понятия, наименования для которых содержатся в ЛФП 'смех' в русском и английском языках, т. е. для выявления основных действующих лиц русской и английской языковых картин смеха, был проведен ономасиологический анализ номинативной структуры поля. В результате в рамках наиболее многочисленных и лексически разнообразных грамматических классов русских и английских лексем и фразем поля 'смех' были выделены ономасиологические группы и подгруппы. При этом в каждой ономасиологической группе четко прослеживаются схожие словообразовательные модели (для лексем) и грамматические конструкции (для фразем).

1. Ономасиологические группы русских и английских субстантивных лексем и фразем с семей 'смех'

1.1. Названия объектов смеха немногочисленны в лексико-фразеологическом материале двух языков (рус. *стёб* 'то, над чем насмеваются, иронизируют', *шут гороховый* '1) о человеке смешно, несуразно одетом; 2) о человеке пустом, служащем всеобщим посмешищем'; англ. *mock* 'посмешище', *fall guy* (досл. 'падающий парень') 'партнер комика; любой человек, которому дают роль для того, чтобы сместить с нее, высмеять и показать превосходство другого человека'). Малая представленность объектов смеха в рассматриваемых языках свидетельствует, на наш взгляд, о том, что, по данным языков, не существует объективно смешного: объекты смеха создаются действиями и усилиями субъектов.

1.2. Названия субъектов смеха в гораздо большей степени представлены в лексике двух языков, чем во фразеологии. Это объясняется тем, что наименования лиц в языке, в основном, являются однословными прямыми номинациями, а не переносно-образными фразеологическими переименованиями. В рамках данной группы было выделено три подгруппы: 1) создатели комических произведений (рус. *комедиограф*, англ. *cartoonist* 'карикатурист'); 2) исполнители комических произведений (рус. *комическая старуха* 'традиционная роль смешной старухи (в комедии); англ. *comedian* 'комик, комедийный актер'; 3) люди, которые смеются в силу особенностей характера, настроения, состояния здоровья и которые склонны сообщать это чувство другим, причем это не диктуется профессиональной необходимостью (рус. *зубоскал* '(прост.) тот, кто любит посмеяться; весельчак, насмешник', англ. *practical joker* (досл. 'практичный шутник') 'насмешник'.

1.3. Названия видов комического представлены специальной лексикой и фразеологией, которые являются терминами искусствознания, театроведения, литературоведения. В лексике двух языков обозначения видов комического (как коррелята смешного в искусстве) относительно немногочисленны, что компенсируется их широкой представленностью во фразеологии. Сюда относятся: 1) названия различных литературных жанров и произведений, созданных в этих жанрах (рус. *трагедия* '(лит.) вид юмористической поэзии, близкой к пародии', англ. *burlesque* 'представление или художественное произведение, высмеивающее что-л., представляющее это в юмористическом виде'; 2) названия видов сценического искусства (рус. *реприза*, англ. 'пьеса или фильм, которые преднамеренно сделаны смешными'; *burletta* 'небольшая комическая опера'; 3) наименования стилистических и художественных приемов создания комического эффекта (рус. *алогизм* 'стилистический прием, при котором намеренно нарушаются логические связи с целью создания комического эффекта', *satire* 'сатира; сатирическое произведение').

1.4. Названия видов смешного. Смех, по данным языка, принимает множество различных форм и обликов, начиная от безобидной улыбки, которая является предрасположенностью к смеху, и заканчивая насмешкой, которая в некоторых случаях принимает крайние формы издевательства, глумления и надругательства. С учетом семантики в данной ономазиологической группе было выделено три подгруппы: 1) обозначения смеха, а также близких к нему состояний с точки зрения физических характеристик (громкость) и мимических проявлений (рус. *гогот* 'громкий, несдержанный хохот', *рот до ушей* 'о широкой улыбке, жизнерадостном смехе', англ. *horse-laugh* 'громкий, грубый хохот, гогот, ржание'); 2) обозначения актов смеха положительной, либо незначительной негативной направленности (шутка, острота): рус. *подтрунивание*, англ. *badinage* 'дружеское подшучивание между людьми'; 3) обозначения актов смеха негативной направленности (насмешки): рус. *укол* '(перен.) язвительное замечание, какой-л. поступок, задевающие чье-л. самолюбие, причиняющие обиду'), *камешек (камушек) в огород* 'обидный намек, шпилька в чей-л. адрес', англ. *fling* 'резкое, насмешливое замечание'.

1.5. Названия развлечений, игр, предметов, используемых для игровой деятельности. Данная группа характеризуется незначительной представленностью в лексико-фразеологическом материале двух языков и находится на периферии ЛФП 'смех'. Это обусловлено тем, что большинство лексем и фразем данной ономазиологической группы в силу своей семантики скорее относятся к семантическим полям 'игра', 'веселье'. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «семантические поля суть классы пересекающиеся; <...> из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле» [7, 252]. В данной группе было выделено две подгруппы: 1) развлечения, игры, веселое времяпровождение: рус. *фанты* 'игра, в которой ее участники исполняют какое-л. шуточное задание, выпавшее по жребию владельцу предмета, отданного играющим для жеребьевки'; англ. *horseplay* 'грубое шумное развлечение, игра, во время которого люди толкают друг друга ради смеха'; 2) предметы, используемые в качестве игрового реквизита или имеющие отношение к смеховой деятельности: рус. *петрушка* '1) кукла, главное комическое действующее лицо в народном русском кукольном представлении'; англ. *pillory* 'приспособление для выставления на публичное осмеяние'.

1.6. Отвлеченные названия характерных черт, свойств, состояний, способностей, склонностей субъектов смеха. Субстантивные лексемы этой группы являются синтаксическими дериватами от соответствующих прилагательных и имеют значения отвлеченного признака по значению этих прилагательных (рус. *анекдотичность*, англ. *absurdity* 'смехотворность'). Примеры фразем данной группы: *бесенята в глазах (у кого или чьих)* 'веселые, лукавые искорки в глазах', *straight face* (досл. 'прямое лицо') 'серьезное, безразличное выражение лица в то время, когда вам смешно'.

1.7. Обозначения действий, манеры поведения субъектов смеха. Лексемы данной группы – это отглагольные синтаксические дериваты со значением отвлеченного действия (рус. *щекотание*, англ. *mockery* 'комментарии или действия, предназначенные для того, чтобы выставить кого-л. в смешном, нелепом виде'). Во фразеологии данная группа представлена только одним русским ФО: *злой язык у кого* '1) кто-л. саркастичен в разговоре, часто иронизирует над кем-либо или над чем-либо; 2) манера, способность остро, резко, насмешливо говорить, судить о ком-либо или о чем-либо'.

2. Ономазиологические группы русских и английских глагольных лексем и фраземы с семой 'смех'.

2.1. 'Испытывать смех, веселье'. Данная группа значительно шире представлена во фразеологии двух языков, чем в лексике. В ней было выделено две подгруппы: 1) лексемы

и фраземы с общим значением 'смеяться, улыбаться'. В отличие от глаголов (рус. *оскалиться* '2) (прост.) широко улыбнуться; осклабиться', англ. *titter* 'смеяться тихо, нервно, растерянно'), фраземы данной подгруппы являются обозначениями крайних проявлений смеха (рус. *надорвать живот (животы, животики) со смеху (от хохота)*, англ. *piss yourself (laughing)* (досл. 'описаться от смеха'); 2) Лексемы и фраземы с общим значением 'вести себя несерьезно, веселиться, дурачиться' (рус. *валять (ломать) ваньку* '(прост.) дурачиться, потешать глупыми выходками', англ. *fool (about / around, with sth)* '2) говорить или делать что-л. глупое, чтобы рассмешить других'.

2.2. 'Направлять смех на кого-либо'. Данная ономазиологическая группа примерно в равной степени представлена в лексике и фразеологии двух языков. Исходя из особенностей семантики, в ней было выделено две подгруппы. 1. Лексемы и фраземы с общим значением 'насмехаться' (рус. *иронизировать*, англ. *flout (at)* '2) (уст.) насмехаться, глумиться, издеваться'). Лексемы со значением 'насмехаться' являются обозначениями различного по степени интенсивности насмешливого отношения: нейтрального, среднего (умеренного) и сильного. Глагольные фраземы этой же группы, благодаря эксплицитной внутренней форме, являются преимущественно наименованиями крайних проявлений насмешливого отношения (рус. *вытирать ноги о кого-л.* 'унижать кого-л., глумиться над кем-л.', англ. *take the piss (out of sb/sth)* (досл. 'достать мочу из кого-л.') 'высмеивать человека (идею, утверждение), насмехаться над его серьезной, важной манерой говорить'. 2. Лексемы и фраземы с общим значением 'подшучивать' (рус. *подтрунить*, англ. *sport* '3) подшучивать', *pull sb's leg* (досл. 'тащить (дергать) кого-л. за ногу') 'подшутить над кем-л.'. Обозначения для безобидного подшучивания немногочисленны в лексике и фразеологии двух языков, что, на наш взгляд, обусловлено единством представлений о том, что насмешка позволяет субъекту почувствовать свое превосходство, свободу от высмеиваемых недостатков в большей мере, чем шутка.

2.3. 'Каузировать чей-либо смех, веселье'. Данная группа немногочисленна в лексико-фразеологическом материале двух языков (рус. *выкидывать артикулы* 'совершать неожиданные поступки с целью удивить проделками, рассмешить других'; англ. *act / play the fool* (досл. 'вести себя как дурак / играть дурака') 'вести себя глупо для того, чтобы рассмешить людей (такое поведение может надоедать, раздражать)').

2.4. 'Быть объектом смеха'. Данная группа не представлена в лексическом материале двух языков и немногочисленно представлена во фразеологии. ФО с указанным значением сообщают о том, что людям свойственно не только насмехаться над другими, но и самим становиться объектами насмешек (рус. *попасть на зубок* 'стать предметом чьих-л. насмешек, придиричивой критики, сплетен', англ. *be/become figure of fun* 'быть/становиться предметом насмешек').

2.5. 'Воспринимать что-либо как смешное'. Данная группа представлена только в английском фразеологическом материале (1%). В семантике таких фразем подчеркивается идея, что необходимо обладать умением для того, чтобы видеть и понимать смешное: *take a joke* (досл. 'принимать шутку') 'уметь смеяться над шуткой вопреки собственному желанию'. Таким образом, на наш взгляд, подчеркивается, что смех требует особых умственных усилий не только на этапе продуцирования, но и на этапе восприятия: необходимо обладать умением, чтобы видеть смешное в чем-либо.

3. Адъективные лексемы и фраземы с семой 'смех'. Адъективные обозначения смешных свойств и признаков достаточно широко представлены в лексическом материале двух языков и практически отсутствуют во фразеологическом материале. Прилагательные с семой 'смех' в своем подавляющем большинстве являются дериватами от существительных с соответствующей семой и лишь в немногих случаях являются отглагольными образованиями. С учетом семантики и словообразовательных моделей прилагательные и адъективные фраземы были распределены по пяти группам: 1) с общим значением 'наделенный каким-либо качеством, склонный к чему-л.' (образованные от существительных, обозначающих свойства, характеристики субъектов смеха): рус. *злоречивый*, англ. *witty* 'остроумный; способный сочинять остроумные вещи'; 2) с общим значением 'являющийся чем-л., похожий на что-л.' (образованные от существительных – наименований комических произведений и названий видов смешного): рус. *водевильный*, англ. *quizzical* '1) насмешливый, шутливый; 2) чудаковатый, комичный'; 3) с общим значением 'свойственный кому-л.' (образованные от существительных – наименований субъектов смеха): рус. *гаерский*, англ. *clownish* 'клоунский, глупый, шутовской'; 4) с общим значением 'вызывающий какое-либо состояние' (образованные от существительных, называющих

состояние): рус. *прикольный*, англ. *risible* ‘(офиц., неодобр.) смехотворный’; 5) с общим значением ‘исполняющий действие, испытывающий на себе действие’ (отглагольные обозначения процессуальных признаков): рус. *уязвленный*, англ. *side-splitting* ‘чрезвычайно смешной’. Адъективные фраземы с семой ‘смех’ единичны в материале двух языков: рус. *бойкий (боек) на язык* ‘находчивый, острый в разговоре’; англ. *tickled to death* (досл. ‘зашекотанный до смерти’) со значением ‘разг.) веселый, очень довольный (о человеке, который смеется так сильно, что его лицо становится розовым или красным)’.

4. Адвербиальные лексемы и фраземы с семой ‘смех’. Наречия с семой ‘смех’ образуются от соответствующих прилагательных, тесно связаны с ними по семантике и преимущественно обозначают качество, образ/способ действия субъектов смеха: рус. *полушутя*, англ. *jokingly* ‘смешным образом’. Фраземы с подобной семантикой представлены только в английском материале: *good for a laugh* (досл. ‘хорошо для смеха’) ‘смешно’.

Общее количество и удельный вес слов и фразем по всем ономаσιологическим группам представлены в таблице 2. Удельный вес слов и фразем вычислялся только для ономаσιологических групп, а не подгрупп, так как при излишней дробности данных в картине наблюдаемые закономерности оказались бы менее отчетливыми.

Таблица 2 – Семантико-категориальная организация русских и английских лексем и фразем с семой ‘смех’

Грамматические разряды и ономаσιологические группы слов и фразем поля ‘смех’		Количество (абсолютные показатели и проценты)			
		Русские		Английские	
		лексемы	фраземы	лексемы	фраземы
Существительные и субстантивные фраземы, в том числе:		346 (48,7%)	70 (46,1%)	297 (52,8%)	65 (44,5%)
	объекты смеха	3 (0,4%)	2 (1,3%)	16 (2,8%)	6 (4,1%)
	субъекты смеха	102 (14,4%)	4 (2,6%)	69 (12,3%)	3 (2,1%)
	виды смешного	84 (11,8%)	20 (13,2%)	103 (18,3%)	17 (11,6%)
	виды комического	71 (10%)	42 (27,6%)	42 (7,5%)	34 (23,3%)
	названия развлечений, игр, игрового реквизита	8 (1,1%)	---	15 (2,7%)	2 (1,4%)
	отвлеченные названия характерных черт, состояний, способностей, субъектов смеха	37 (5,2%)	1 (0,7%)	39 (6,9%)	3 (2,1%)
Глаголы и глагольные фраземы, в том числе:	обозначения действий, манеры поведения субъектов смеха	41 (5,8%)	1 (0,7%)	13 (2,3%)	---
		201 (28,3%)	72 (46,7%)	116 (20,6%)	70 (47,9%)
	испытывать смех, веселье	85 (12%)	36 (23,7%)	38 (6,8%)	43 (29,5%)
	направлять смех на кого-л.	101 (14,2%)	27 (17,8%)	73 (13%)	22 (15,1%)
	быть объектом смеха	---	6 (3,9%)	---	2 (1,4%)
	каузировать чей-л. смех, веселье	15 (2,1%)	2 (1,3%)	5 (0,9%)	1 (0,7%)
Прилагательные и адъективные фраземы	воспринимать что-л. как смешное	---	---	---	2 (1,4%)
		110 (15,5%)	2 (1,3%)	109 (19,4%)	3 (2,1%)
Наречия и адвербиальные фраземы		46 (6,5%)	---	40 (7,1%)	4 (2,7%)
Междометия		6 (0,%)	---	---	---
Фраземы, несоотносимые с частями речи		---	9 (5,9%)	---	4 (2,7%)
Всего		709 (99,8%)	153 (100%)	562 (99,9%)	146 (99,9%)

Для того чтобы определить, являются ли выявленные различия существенными, по каждой ономаσιологической группе были вычислены коэффициенты доверия (надежности) полученных результатов отдельно для лексем и фразем. Вычисления производились по формуле:

$$z = (m1/N1 - m2/N2) / \sqrt{pq/n} \text{ [8, 93],}$$

где z – коэффициент доверия (уровень значимости),

$m1$ – количество русских лексем оцениваемой ономаσιологической группы,

$m2$ – количество английских лексем оцениваемой ономазиологической группы,
 $N1$ – общее количество рассматриваемых лексем для русского языкового материала,
 $N2$ – общее количество английских лексем,
 параметры p, q, n вычисляются по формулам:

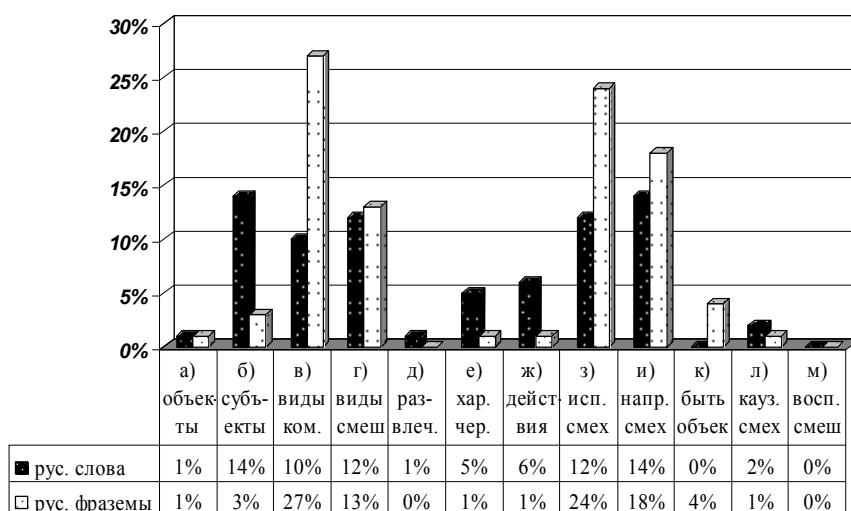
$$p = (m1 + m2)/(N1 + N2), \quad q = 1 - p, \quad n = N1N2/(N1 + N2).$$

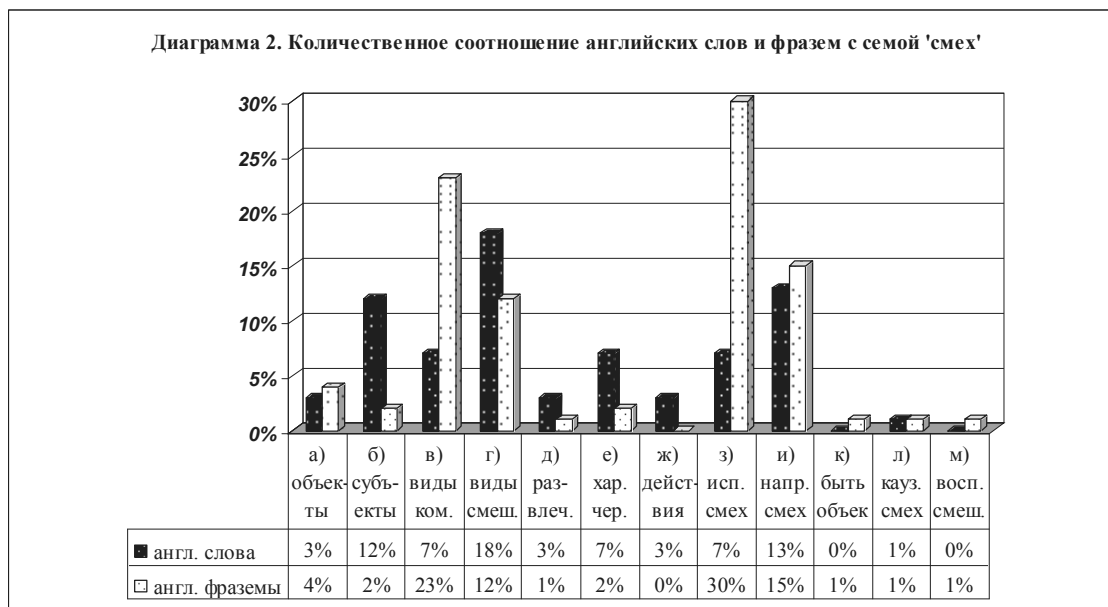
Так, в русской лексике из 709 слов с семой 'смех' 102 существительных обозначают субъекты смеха (удельный вес 14%). В английском материале имеется 69 обозначений для субъектов смеха из 562 лексем (удельный вес 12%). После необходимых расчетов был получен коэффициент доверия, равный 1,09. При допустимой 5% погрешности полученный коэффициент сравнивается со значением двустороннего критерия $z \alpha/2 = 1,96$. В случае, если значение z больше 1,96, различия следует считать релевантными. В данном исследовании коэффициент доверия $1,09 < 1,96$. Следовательно, можно говорить о приблизительном равенстве между обозначениями субъектов смеха в русском и английском языках. Аналогичным образом были вычислены коэффициенты доверия для всех остальных ономазиологических групп лексем и фразем с семой 'смех'. В результате было установлено, что в области лексики с семой 'смех' статистически значимыми являются различия между количеством русских и английских лексем в следующих ономазиологических группах (в скобках приводятся коэффициенты значимости): 1) «объекты смеха» (1,3,53); 2) «виды смешного» (3,23); 3) «названия развлечений, игр и игрового реквизита» (2,04); 4) «обозначения действий, манеры поведения субъектов смеха» (3,04); 5) «испытывать смех, веселье» (3,13). В отношении остальных ономазиологических групп лексем следует констатировать их приблизительное равенство в русском и английском языках. В области фразеологии с семой 'смех' различия в удельном весе всех ономазиологических групп не являются статистически значимыми (так как значения всех коэффициентов доверия меньше 1,96) и можно говорить об их приблизительной равнозначности в двух языках.

Таким образом, ономазиологическая структура поля смеха в обоих языках в значительной степени схожа. Вместе с тем, по данным лексики и фразеологии двух языков, выявлены культурно-специфические характеристики смешного, а именно: разная значимость некоторых понятий и явлений, представленных в ономазиологической структуре поля для русского и английского языкового сознания.

Удельный вес основных ономазиологических групп слов и фразем в русском и английском ЛФП 'смех' представлен на диаграммах 1 и 2.

Диаграмма 1. Количественное соотношение ономазиологических групп русских слов и фразем с семой 'смех'

Список условных сокращений:

- а) объекты – объекты смеха;
- б) субъекты – субъекты смеха;
- в) виды ком. – виды комического;
- г) виды смеш. – виды смешного;
- д) развлеч. – названия развлечений, игр, а также игрового реквизита;
- е) хар. чер. – отвлеченные названия характерных черт, свойств, состояний, способностей, склонностей субъектов смеха;
- ж) действия – обозначения действий, манеры поведения субъектов смеха;
- з) исп. смех – испытывать смех, веселье;
- и) напр. смех – направлять смех на кого-л.;
- к) быть объект. – быть объектом смеха;
- л) кауз. смех – каузировать чей-л. смех, веселье;
- м) восп. смеш. – воспринимать что-л. как смешное.

Чтобы выяснить, существуют ли фундаментальные различия в «разделении труда» между лексикой и фразеологией в ономаσιологической организации поля 'смех', были вычислены коэффициенты линейной корреляции между удельным весом ономаσιологических групп лексем и фразем в каждом из языков в отдельности, а также между русским и английским языками. Вычисления производились с помощью пакета Excel, результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Коэффициенты линейной корреляции между удельным весом русских и английских ономаσιологических групп с семей 'смех'.

Группы, для которых был вычислен коэффициент линейной корреляции	Значение коэффициента линейной корреляции
Ономаσιологические группы русских лексем и фразем	0,65
Ономаσιологические группы английских лексем и фразем	0,42
Ономаσιологические группы русских и английских лексем	0,85
Ономаσιологические группы русских и английских фразем	0,96

Исходя из полученных данных, можно заключить, что ономаσιологические группы русских лексем и фразем с семей 'смех' слабо коррелированы между собой, т. к. коэффициент линейной корреляции для них довольно мал (0,65). Аналогичное утверждение справедливо и для ономаσιологических групп лексики и фразеологии, представленных в английском языковом

материале: коэффициент корреляции здесь еще меньше (0,42). Таким образом, статистические данные свидетельствуют о том, что как в русском, так и в английском языках лексика и фразеология с семей 'смех' занимают различное место и выполняют разные функции в грамматико-категориальной организации ЛФП 'смех'. Вместе с тем можно говорить о довольно сильной линейной зависимости между удельным весом ономаσιологических групп русских и английских лексем (коэффициент корреляции 0,85), с одной стороны, и почти максимальной зависимости между удельным весом ономаσιологических групп фразем обоих языков (коэффициент корреляции 0,96), с другой стороны.

Выводы

ЛФП 'смех' составляют различные по размеру области или группы наименований (т. е. грамматико-категориальные классы), практически в каждой из которых есть и однословные, и составные (фразеологические) обозначения. Однако как в русском, так и в английском языках место и роль лексики и фразеологии в поле 'смех' распределяются по-разному. В обоих языках лексика с семей 'смех' (80,9% в русском языке и 77,4% в английском), будучи более многочисленной, по сравнению с фразеологией (19,1% в русском языке и 22,6% в английском), задает основные направления в структурной организации поля. Фразеология дополняет лексику, добавляя в поле номинативные единицы «оттеночного» терминологического и экспрессивно-стилистического назначения. В частности, и в русском, и в английском языках названия комических произведений и жанров – это преимущественно фразеологические номинативные единицы, а не однословные названия. Фразеология вносит также новые экспрессивные краски и расставляет акценты. Например, в лексике, в основном, представлены обозначения для умеренных и «средних» проявлений смеха и насмешливого отношения, в то время как во фразеологии – обозначения для крайних проявлений общего значения. Как отмечают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, «для выражения нейтральных с точки зрения интенсивности или слабых эмоций, как правило, используются неидиоматические средства языка. Потребность прибегнуть к идиоме возникает у говорящего при ощущении, что стандартные обозначения оказываются в данном случае недостаточно выразительными» [9, 140].

Литература

1. Толстая, С. М. Стереотип в этнолингвистике / С. М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М. : РАН Ин-т славяноведения и балканистики, 1995. – С. 124–127.
2. Апресян, Ю. Д. О Московской семантической школе / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 3–30.
3. Мечковская, Н. Б. Две картины мира: язык и быденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) / Н. Б. Мечковская // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich – 5. Opis, konfrontacja, przekład. – Wrocław, 2005. – S. 227–238.
4. Новиков, Л. А. Семантика русского языка : учеб. пособие / Л. А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272с.
5. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1969. – 231 с.
6. Гак, В. Г. Ономаσιология / В. Г. Гак // Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл., Дрофа, 1998. – С. 289–290.
7. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян ; АН СССР. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика». – М. : Наука, 1974. – 367 с.
8. Носенко, И. А. Начала статистики для лингвистов / И. А. Носенко. – М. : Высш. шк., 1981. – 157 с.
9. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.

Summary

The article considers the onomasiological groups of Russian and English lexemes and phrasemes with the semantic component 'laughter', presented in the basic grammatical classes of these nominative means of two languages. It shows different roles of lexicon and phraseology in the grammatical and categorical organization of the field 'laughter': the lexicon sets the basic directions in the structural organization of the field, while the phraseology adds nominative units of terminological and expressive and stylistic character.

Поступила в редакцию 07.10.11.

С. В. Венидиктов

ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ В УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье исследуются тенденции использования профессиональной лексики в устной коммуникации сотрудников органов внутренних дел. Приводятся характеристики лексико-тематических групп, моделей словообразования профессионализмов, их экспрессивной окраски, функциональной направленности на корпоративную речевую изоляцию. Устанавливается место подобных слов и выражений в лексической системе современного русского языка.

Введение

Профессионализмы как разговорные эквиваленты соответствующих по значению терминов и терминологических выражений характерны для любой профессиональной группы. В отличие от терминов – официальных научных наименований специальных понятий, профессионализмы функционируют преимущественно в устной речи как «полуофициальные» слова, не имеющие строго научного характера.

Изучению профессионализмов как обширной области специальной лексики посвящены работы Н. П. Кузьмина, Л. И. Скворцова, Н. М. Гладкой, С. В. Гринева, Я. Л. Донского, Е. С. Максименко и др., в которых затрагиваются вопросы возникновения, функционирования, стилистической дифференциации, структурных и семантических особенностей профессионализмов [1], [2]. Проблемы функционирования подобных слов и выражений в устной коммуникации отдельных социальных групп остаются малоизученными.

Объектом данного исследования являются профессионализмы, используемые в деятельности белорусской милиции. Данная лексическая группа в целом типична для русскоязычного пространства, т. к. единая культурно-семантическая основа профессионализмов сотрудников органов внутренних дел сохранилась с советских времен. Однако значительная их часть сформировалась в 1990-е гг., получив распространение во многом благодаря средствам массовой информации и «романтизации» сферы правопорядка в популярной литературе и телевизионном эфире.

В настоящий момент можно выделить около 200 активно употребляемых терминов и выражений, позволяющих изначально идентифицировать сотрудников органов внутренних дел как обособленную часть социума. Сбор лексического материала был произведен нами в 2010–2011 гг. в процессе включенного наблюдения за речью носителей профессиональной лексики, а также методом прямого опроса.

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее распространенные в речи милиции профессионализмы мы предлагаем распределить по нескольким **лексико-тематическим группам**.

1. Профессиональная специализация в структуре органов внутренних дел: *опер* (сотрудник уголовного розыска), *следак* (следователь), *помазок* (эксперт-криминалист) и т. п.

2. Названия подразделений, учреждений и служебных помещений: *моржок* (бюро судебно-медицинской экспертизы), *убойный отдел* (подразделение, занимающееся раскрытием убийств), *обезьянник* (комната для доставленных в милицию), *подвал* (изолятор временного содержания) и т. п.

3. Определения-характеристики служебных, следственных действий и мероприятий: *крепить* (закреплять доказательственную базу по делу), *поднять* (раскрыть труднораскрываемое преступление), *усиление* (служба по усиленному варианту), *развод* (построение или сбор личного состава перед заступлением на службу), *выводка*, *показ* (проверка показаний на месте), *возбуждение* (процессуальное решение следователя (дознателя, прокурора, судьи) о наличии в материале проверки признаков состава преступления и начале по нему расследования) и т. п.

4. Правовые и иные документы: *заява* (заявление граждан о преступлении), *чистуха* (заявление о явке с повинной, ср.: *выбить чистуху* – добиться чистосердечного признания), *отказной* (постановление об отказе в возбуждении уголовного дела либо весь материал, по результатам рассмотрения которого вынесено такое постановление), *мелочь* (административный материал о мелком хулиганстве) и т. п.

5. Специальная техника, устройства, атрибуты служебной деятельности: *ствол* (пистолет), *браслеты* (наручники), *броник* (бронежилет), *ксива* (служебное удостоверение) и т. п.

6. Названия-характеристики лиц, проходящих по уголовным и административным делам, находящихся во взаимодействии с милицией, а также «антисоциальных элементов»: *буйный* (задержанный, оказывающий сопротивление), *терпила/-о* (потерпевший, потерпевшая), *потеряшка* (пропавший без вести), *парашютист* (выпавший из окна дома), *стукач* (тайный осведомитель, состоящий на оперативной связи с сотрудником милиции), *домушник* (квартирный вор), *мелкий* (задержанный за мелкое хулиганство), *калдырь* (лицо, злоупотребляющее алкоголем) и т. п.

7. Названия-характеристики преступлений и происшествий: *износ* (изнасилование), *кухня* (семейные скандалы), *дорожное* (дорожно-транспортное происшествие), *висяк*, *глухарь* (нераскрываемое преступление) и т. п.

Подавляющее большинство «милицейских» профессионализмов эмоционально окрашено (*чистуха*, *трезвяк*, *обезьянник*, *выставить*, *подстава* и т. д.), и лишь незначительное количество может быть отнесено к эмоционально нейтральным (*сыщик*, *опер*, *дорожное* и т. д.). В связи с этим мы предлагаем среди профессиональной лексики сотрудников органов внутренних дел выделять группу **профессионально-жаргонных слов**, характеризующихся очевидно сниженной экспрессивной окраской, например: *жмурик*, *заказуха*, *калдырь*, *обезьянник*, *терпило* и т. д.

Полное исключение подобных слов и выражений из профессиональной лексики и включение их в разряд жаргонизмов нам представляется нецелесообразным, т. к. вне деятельности милиции их употребление ограничено. К тому же, критерии однозначного отнесения тех или иных лексем к профессионализмам или жаргонизмам в современном языкознании не являются общепризнанными. Такая спорная ситуация отражена в работах В. П. Даниленко, В. А. Хомякова, С. Д. Шелова, Н. К. Гарбовского и других исследователей. Например, Н. М. Гладкая [1] профессиональные жаргонизмы называет не более, чем разновидностью профессионализмов, а Н. П. Кузьмин [2] допускает выделение нормативной и ненормативной профессиональной лексики.

Как отмечают исследователи, лексические единицы любого рода профессионализмов как «языкового субстандарта» [3] в отличие от слов общелитературного языка «более самоценны и в большей степени рассчитаны на выразительный эффект самой формы слова, что позволяет, парадоксальным образом, говорить о большем (в сравнении с литературным языком) удельном весе эстетической составляющей словесного знака» [4, 167].

Морфологический анализ встречающихся в речи сотрудников органов внутренних дел профессионализмов показывает, что большая их часть, выполняя номинативную функцию, представлена:

1) именами существительными: *палка* (раскрытое преступление), *пальцы* (отпечатки пальцев рук), *катух* (отделение для перевозки задержанных в служебном автомобиле), *мелочь* (административный материал о мелком хулиганстве), *задержка* (помещение для задержанных, в т. ч. в автомобиле), *выволочка* (проверка показаний на месте) и т. п.;

2) субстантивированными прилагательными: *закрытый* (арестованный преступник), *отмороженный* (лишенный здравого смысла или чувства самосохранения), *чалый* (имеющий судимости) и т. п.;

3) глаголами: *катать* (брать отпечатки пальцев рук), *хлопнуть* (задержать с поличным), *паковать* (задерживать активно сопротивляющегося с применением силы, спецсредств, оружия), *принять* (задержать, как правило, с наркотиками, оружием, другими запрещенными предметами или веществами), *закрыть* (задержать по подозрению, арестовать, приговорить к лишению свободы), *развалить* (лишить уголовное дело перспективы быть направленным в суд), *зарядить* (выдать сотруднику спецтехнику (прослушивающую аппаратуру) для фиксации разговора) и т. п.

В **словообразовании** профессионализмов преобладает лексико-семантический способ, связанный с переосмыслением значения общелитературных слов. Сравните: *подснежник* (весенний цветок) и *подснежник* (труп, обнаруженный весной), *парашютист* (человек, занимающийся парашютным спортом, либо военный-десантник) и *парашютист* (погибший в результате падения с большой высоты), *окунь* (рыба) и *окунь* (человек с низким уровнем умственного развития), *глухарь* (птица) и *глухарь* (неперспективное дело), *катух* (хлев для мелкой скотины или неуютное, неопрятное жилище) и *катух* (отделение для перевозки задержанных в служебном автомобиле), *связь* (отношение общности, соединения или согласованности) и *связь* (знакомый, родственник, сосед – любой человек, с которым объект поддерживал (поддерживает) отношения) и т. п.

Среди способов морфологического словообразования профессионализмов преобладает суффиксальный: *жмурик* (труп), *заказуха* (казачье убийство), *трезвяк* (медицинский вытрезвитель), *висун* (нераскрытое преступление), *моржок* (бюро судебно-медицинской экспертизы) и т. п.

Часть профессиональных выражений сотрудников органов внутренних дел сформировалась с помощью синтаксического способа по моделям: а) «прилагательное + существительное»: *убойный отдел* (подразделение, занимающееся раскрытием убийств), *дохлый кролик* (фиктивный помощник) и т. п.; б) «глагол + существительное»: *дать палку* (раскрыть преступление), *откатать пальцы* (снять отпечатки пальцев), *повесить висак* (возбудить неперспективное уголовное дело) и т. п.

Реже используются профессионализмы, образованные способом аббревиации: *энс* (нетрезвое состояние – н/с), *аэска* (оперативная информация – о/с), *вещдок* (вещественное доказательство) и т. п.

Отметим, что процесс образования профессиональной лексики в среде сотрудников органов внутренних дел характеризуется определенной инертностью: появление новых слов и выражений чаще связано с нововведениями в системе работы, изменениями социально-правового статуса милиции, динамикой уровня преступности и т. п. Этой закономерностью можно объяснить внедрение в языковую практику значительного количества новых профессионализмов в 1990-е гг., а также «замораживание» данного процесса в 2000-е гг.

К предпосылкам формирования и распространения лексики ограниченного употребления в среде сотрудников органов внутренних дел, на наш взгляд, можно отнести: а) необходимость в корпоративной лингвистической изоляции, б) стремление к речевой выразительности, в) выраженный экспрессивный характер профессионального общения. Если ситуации публичного, официального общения практически исключают (делают неуместным) проявление сотрудниками органов внутренних дел эмоций и предписывают участникам речевой коммуникации придерживаться условно-уважительного тона общения, то в разговорной стихии обычны неэтикетные формы общения, выраженные субстандартными словами [5] – профессионализмами. Такое общение В. И. Карасик называет «субстандартным общением», т. е. социальная дистанция между общающимися сокращена вследствие либо знаковой солидарности, либо выражения отрицательных эмоций [6, 300]. Таким образом, включение в персональный словарный набор профессионализмов может служить своеобразным символом профессиональной компетентности.

В связи с этим мы выделяем основные функции подобных слов и выражений:

- 1) конспиративная (реализуется при открытом общении сотрудников в неблагоприятном для коммуникации социальном окружении);
- 2) опознавательная (сигнализирует о принадлежности к профессиональной группе);
- 3) номинативная (профессионализмы употребляются для обозначения тех предметов и явлений, для которых нет полноценного эквивалента в литературном языке);
- 4) мировоззренческая (выражает систему норм и ценностей носителя, в том числе внутрикорпоративных, а также субкультуру милиции).

Использование профессионализмов в устной коммуникации сотрудников органов внутренних дел отражает две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, стремление к свободному построению речевых единиц (речевому словотворчеству), с другой стороны, стремление к использованию готовых речевых формул, шаблонов (т. н. «речевой автоматизм»).

Профессиональная лексика может быть незаменимой для лаконичного и точного выражения мысли в устной речи и неофициальных текстах, предназначенных для подготовленного реципиента. Однако информативная ценность узкопрофессиональных наименований утрачивается, если с ними сталкивается неспециалист. Между тем, отдельные профессионализмы, нередко сниженного стилистического звучания, из социально замкнутой сферы переходят в состав общеупотребительной лексики, очевидно сближаясь с жаргонизмами. Например, значение слов и выражений *опер*, *следак*, *обезьянник*, *ксива*, *ствол*, *заказуха*, *убойный отдел*, *откатать пальцы* и т. п. без труда может быть установлено человеком, не связанным с органами внутренних дел. Распространение подобных слов в разговорной речи можно объяснить частотой употребления в обществе понятий, обозначаемых профессионализмами, а также их привлекательной экспрессивной окраской [7].

Профессионализмы сотрудников органов внутренних дел (преимущественно со сниженной экспрессивной окраской) проникают и в язык средств массовой информации: в правовых

и криминальных телевизионных проектах, журналистских расследованиях, специализированных рубриках печатных СМИ их умеренное употребление может быть вполне оправданным. В художественной литературе и кино такие слова и выражения также могут использоваться как характерологическое средство. Однако, на наш взгляд, целенаправленное акцентирование внимания на профессиональной лексике сотрудников органов внутренних дел может быть серьезным стилистическим изъяном медиапродукта.

В определенной степени «популяризации» профессионализмов, используемых в деятельности милиции, способствует и их лексико-семантическое родство с криминальным, «воровским» жаргоном и т. н. «тюремной феней»: отдельные лексемы функционируют параллельно в обеих языковых системах (например, *трэвяк, катух, терпила, следак, гоп-стоп* и т. п. [8]), происходит взаимообмен. Общеупотребительными стали слова *авторитет, беспредел, крыша, понт* и т. п. Однако уголовный жаргон имеет значительно более развитую лексическую систему (существуют объемные словари уголовного жаргона), не такое широкое употребление, региональную специфику, а зачастую – и непрозрачную этимологическую основу. Отметим, что сотрудники правоохранительных органов нередко целенаправленно овладевают уголовным жаргоном с целью успешного решения оперативных задач.

Выводы

Таким образом, профессионализмы в устной коммуникации сотрудников органов внутренних дел характеризуются: а) лексико-тематическим разнообразием, б) номинативной направленностью, в) устойчивостью моделей словообразования с доминированием лексико-семантического способа, г) инертностью формирования лексического корпуса, д) экспрессивной окраской, е) функциональной направленностью на корпоративную речевую изоляцию, ж) стремлением к речевому автоматизму, з) перформативностью и акцентом на форму выражения. Распространение подобных субстандартных слов и выражений в языковой практике может быть названо явлением социально-психологическим.

Очевидная экспрессивность профессионализмов, встречающихся в речи сотрудников ОВД, сближает их с жаргонизмами, словами просторечной лексики. Поэтому их употребление, которое в повседневной внутрикорпоративной речевой деятельности неизбежно, в официальном общении с гражданами является неуместным, оказывая негативное влияние на авторитет органов внутренних дел в целом.

Литература

1. Гладкая, Н. М. Лингвистическая структура и стилистические функции профессиональных жаргонизмов : дис. канд. филолог. наук : 10.02.19 (теория языка) / Н. М. Гладкая. – М. : МГУ, 1977. – 155 с.
2. Кузьмин, Н. П. Нормативная и ненормативная специальная лексика: Проблемы и методы нормализации специальной лексики / Н. П. Кузьмин // Лексические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 68–81.
3. Кудинова, Т. А. Языковой субстандарт в новых парадигмах лингвистического знания / Т. А. Кудинова // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. – М. : МИИ Наука, 2010. – № 4 – С. 78–83.
4. Мегентесов, С. А. Специфика словообразовательных моделей в молодежном сленге и в просторечии / С. А. Мегентесов, С. В. Сидорков // Филология как средоточие знаний о мире. – М.–Краснодар : Просвещение–Юг, 2008. – С. 161–167.
5. Краснова, И. Е. О некоторых проблемах профессиональной речи в социолингвистическом освещении / И. Е. Краснова, А. Н. Марченко // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М. : Наука, 1984. – С. 330.
6. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
7. Крысин, Л. П. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века / Л. П. Крысин // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Языки славянских культур, 2008 – С. 13–28.
8. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 720 с.

Summary

The article is devoted to tendencies of professional lexicon using in oral communications of law-enforcement bodies employees. The research resulted characteristics of lexical and thematic groups, models of professionalism word-formation, their expressional coloring, a functional orientation on corporate speech isolation. The place of similar words and expressions in lexical system of modern Russian is established.

Поступила в редакцию 28.09.11.

В. А. Літвінава

ТЫПЫ АНТОНІМАЎ ПАВОДЛЕ СЕМАНТЫКІ Ў БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗКАХ

У артыкуле даследуюцца антанімічныя пары, засведчаныя ў беларускіх прыказках. Вылучаюцца і сістэматызуюцца групы антонімаў паводле характару семантычнай супрацьлегласці, а таксама па семантычных якасцях (тэмах). Выяўляецца ступень прадуктыўнасці семантычных тыпаў антонімаў у складзе беларускіх парэмій.

Уводзіны

Даволі шырокае функцыянаванне антонімаў з'яўляецца прыкметнай адзнакай беларускіх прыказак, што абумоўлена багаццем і разнастайнасцю лексічнага складу мовы, яе каларытам і вобразнасцю.

Складанасць антаніміі як адной з лексіка-граматычных катэгорый і моўных універсаль і абумовіла неабходнасць розных аспектаў яе вывучэння. Нягледзячы на наяўнасць асобных даследаванняў, зробленых А. М. Асіпчук, А. Я. Баханьковым, У. М. Лазоўскім, В. П. Лемцюговай, І. Я. Лепешавым, В. І. Рагаўцовым, С. І. Солахавай, А. В. Солахамым, Т. Я. Старасценка, Г. К. Усціновіч і іншымі навукоўцамі, на сённяшні дзень у айчынным мовазнаўстве не існуе поўнага ўяўлення аб антаніміі як тыпе арганізацыі лексічных сродкаў мовы. Тыпы антонімаў паводле характару семантычнай супрацьлегласці ў беларускіх прыказках пакуль што не былі аб'ектам спецыяльнага вывучэння, таму дадзены артыкул прысвячаецца семантычнай класіфікацыі слоў з супрацьлеглым значэннем, праведзенай на акрэсленым моўным матэрыяле.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Найбольш распаўсюджаная класіфікацыя антонімаў, паводле якой вылучаюцца тры асаблівасці, пры якіх антанімічныя словы ўступаюць у адносіны апазіцыі: градуальнасць / неградуальнасць; адпаведнасць адной з'яве ці працэсу (аднаму дэнатату) / адпаведнасць розным дэнатацям і скіраванасць / нескіраванасць дзеяння ці з'явы, належыць Л. А. Новікаву [1]. У адпаведнасці з тыпам супрацьлегласці, які выражаюць антонімы, даследчык вылучае кантрарныя, кампліментарныя, вектарныя антонімы і антонімы-канверсівы [1, 42]. У сваёй працы мы прытрымліваемся прапанаванай класіфікацыі антонімаў паводле семантычнай супрацьлегласці.

1. Тыпы антонімаў у беларускіх прыказках паводле характару семантычнай супрацьлегласці.

1.1. Найбольш вялікі ў колькасных адносінах і прадстаўнічы клас («ядро» антаніміі беларускай мовы) утвараюць антонімы, якія рэалізуюць **кантрарную** (лац. *contarius* – супрацьлеглы) пазіцыю. Ім уласцівы градуальныя апазіцыі, кампаненты якіх характарызуюцца рознай ступенню ці градацыяй адной і той жа прыметы. Кантрарная супрацьлегласць выражаецца відавымі паняццямі «Х» і «Y», паміж якімі магчыма трэцяе, сярэдняе «Z», і якія не толькі ўзаемаадмаўляюцца, але і напаўняюць адзін аднаго сваім «станоўчым» зместам: *малады – (сярэдных гадоў – пажылы) – стары*. У прыказках гэта антонімы, якія выражаюць якуюсь супрацьлегласць, напрыклад, характарыстыкі колеру (*На чорнай зямлі белы пірог расце* [2, 220]; *Рукі белыя, ды душа чорная* [2, 292]), вагі (*Лёгка кінуць, цяжка падняць* [3, 28]), памеру (*Вялікага дуба з малым карэннем не бывае* [2, 178]; *Да пекла вароты шырокія, а да неба вузкія* [3, 78]; *Ад маленькага сабакі вялікі брэх бывае* [2, 59]), часу (*Хвалі мяне сёння, а я цябе заўтра* [2, 416]; *Трэба ўлетку назбіраць, каб узімку было што каштаваць* [3, 195]), адлегласці (*Далей паложыш – бліжэй возьмеш* [2, 198]), якасці (*Старое дзярэцца – на новае спадзяецца* [2, 236]; *Не тады, калі соладка, а тады, калі горка, прыяцель патрэбен* [4, 92]; *Добрыя ўчынкi доўга помняцца, а ліхія ніколі не забудуцца* [2, 148]), спосабу дзеяння (*Ідзі хутка – бяду здагоніш, ідзі павольна – цябе здагоніць* [4, 64]) і г. д.

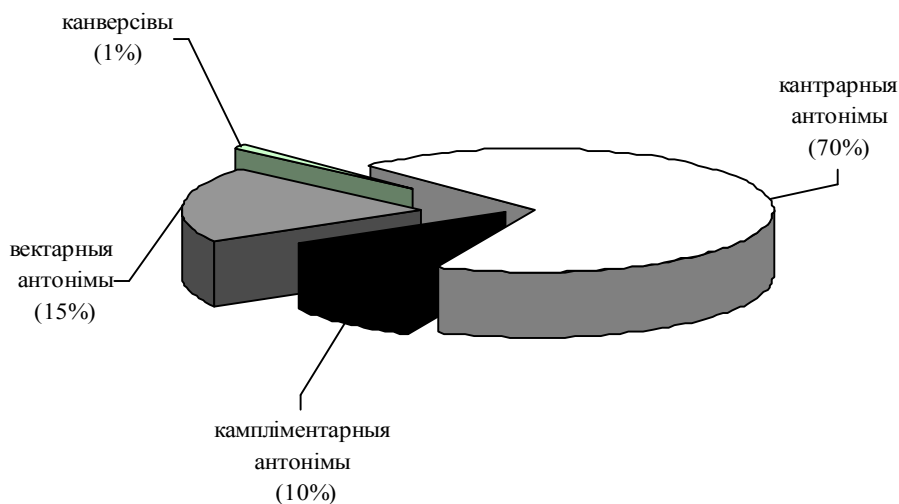
1.2. Параўнальна меншую групу ўтвараюць антонімы, якія выражаюць дадатковасць, – **кампліментарныя** (лац. *complementum* – дапаўненне). Яна аб'ядноўвае антонімы, значэнне аднаго з якіх цалкам адмаўляе значэнне другога, напрыклад: *Ні жывы, ні ўмерлы* [3, 32];

І жыў – не любіла, *і памёр* – не тужыла [2, 76]; *Не бойся таго, хто крычыць, а бойся таго, хто маўчыць* [2, 22]; *Лепш адзін прыцель, як дзесяць ворагаў* [4, 91] *І Бога ашукае, і ў чорта адхопіць* [4, 26]; *Анёлам ляцеў, а чортам сеў* [5, 15]; *Сляпы не ўбачыць, а відушчы не заўважыць* [6, 71]. Гэта група антонімаў характарызуецца ярка выражанай палярнасцю супрацьлеглых кампанентаў. Пэўная з’ява, прадмет могуць знаходзіцца толькі ў адным са станаў, прычым прамежкавай якасці быць не можа. Напрыклад: *І чорта ашукае, і богу не дадасць* [7, 184]. Два супрацьлеглыя паняцці, паміж якімі сярэдняга няма: або *бог*, або *чорт*. Для параўнання возьмем антанімічную пару *гарачы* – *халодны*, прамежкавы стан для якой – *цёплы*.

1.3. Таксама выдзяляецца група антонімаў, якія выяўляюць супрацьлеглую накіраванасць дзеянняў, якасцяў і прымет – **вектарныя** (лац. *vector* – напрамак, скіраваны адрэзак) антонімы. Гэты клас антонімаў заснаваны на лагічна супрацьлеглых паняццях, напрыклад: *Адна галавешка і ў печы не гарыць, а дзве і ў полі не тухнуць* [5, 220]; *Ад зямлі адарваўся і да неба не дастаў* [6, 190]; *Дзе сядаць, там уставаць* [4, 71]; *Дзе паклаў, там і вазьмі* [7, 55]; *Добры пачатак – блізка канчатак* [6, 75]; *Ні налева, ні направа* [5, 227]; *Ні ўзад, ні ўперад* [5, 225].

1.4. Як асобную групу можна вылучыць так званыя антонімы-**канверсівы** (лац. *conversio* – ператварэнне, змяненне), якія апісваюць адну і тую ж сітуацыю з пункту гледжання розных удзельнікаў: *За што прадавалі, за тое і купіў* [2, 89]; *Таргаваць таргавалі, а купляць не куплялі* [5, 87]; *Бацькаўшчыну не купляюць і не прадаюць* [6, 47]; *Даводзіцца знайсці, даводзіцца і згубіць* [6, 58]; *Такі зяць, што ні даць, ні ўзяць* [3, 75].

Сярод выяўленых намі ў беларускіх прыказках 1 170 антанімічных пар кантрарная антанімія мае значную перавагу ў параўнанні з іншымі семантычнымі тыпамі антонімаў: кантрарныя антонімы складаюць каля 70% (845 антанімічных пар), 10% (137 антанімічных пар) – кампліментарныя, 15% (172 антанімічныя пары) – вектарныя антонімы і толькі каля 1% (16 антанімічных пар) – канверсівы (дыяграма).

Дыяграма – Колькасныя паказчыкі семантычных тыпаў антонімаў

2. Тыпы антонімаў у беларускіх прыказках паводле лексіка-семантычнага нападўнення.

Паводле Л. А. Новікава, магчыма і іншая семантычная класіфікацыя антонімаў – размеркаванне іх па асноўных тэмах (палях) [1, 237]. Згодна з гэтым, лексічныя антонімы як спецыфічныя моўныя адзінкі аб’ядноўваюцца ў пары і проціпастаўляюцца выключна па семантычных якасцях. Звычайна антонімы абазначаюць:

- якасці і ўласцівасці (гарачыня – холад, горкі – салодкі): *Апарыўшыся на гарачым, то і на халоднае дзьмухаем* [6, 121]; *Горкае лечыць, а салодкае калечыць* [6, 197]; *Горкая часам праца, ды хлеб ад яе салодкі* [2, 19];

- пачуцці і стан чалавека (вясёлы – сумны, шчасце – бяда): *Шчасце адно не ходзіць, бяду за сабой водзіць* [5, 276]; *Ліха без дабра не бывае* [3, 130];

- з’явы прыроды (мароз – спякота, вечар – раніца): *Дзень выганяе з хаты, а ноч прыганяе* [6, 26]; *Гаспадар ні сцюжы, ні спёкі не байца* [5, 78];

- часавыя і прасторавыя паняцці (пачатак – канец, верх – ніз, блізкі – далёкі): *Без зачатку і канца не было б* [6, 102]; *Высока падняў, а знізу не падпёр* [5, 34]; *Думай звечара, а рабі зрання* [4, 63]; *Жонку бяры далёку, а кароўку зблізку* [4, 42];

- процілегла накіраваныя дзеянні (адкрыць – закрыць, лажыцца – уставаць): *Ляжаш не еўшы, устанеш, не п’юшы* [5, 67]; *У дурня рот не зачыняецца, а ў другога няўдакі не расчыняецца* [6, 239];

- колькасць чаго-небудзь (мала – многа, большасць – меншасць): *Гадоў мала пражыў, а гора многа перажыў* [6, 15]; *Меней гавары – болей пачуеш* [6, 11] і інш.

Абсалютная большасць антонімаў, засведчаных у беларускіх парэміях, паводле семантычна-граматычных і стылістычных асаблівасцяў суадносіцца з пэўнымі часцінамі мовы.

У складзе назоўнікавых антонімаў (больш за 400 адзінак) значнае месца займаюць суадносныя пары слоў са значэннем узроставых асаблівасцяў чалавека, у прыватнасці, са значэннем ‘малодосць – старасць’: *З маладосці гарцаваў, а пад старасць жабраваў; Калі б маладосць ведала, а старасць магла; Дай, божа, маладосці косці грызці, а на старасці мяса есці; Змоладу балі спраўлялі, а пад старасць галышамі сталі; Маладосць сіду паказвае, а старасць спосабу шукае* [5, 150–152] і інш.

Дастаткова часта (каля 160 адзінак) сустракаюцца антанімічныя пары, што абазначаюць паняцці дабра і зла, шчасця і бяды: *Ад ліха ціха і дабра не чутно; Ліха без дабра не бывае; Ліха перамелецца, дабро будзе; Без худа няма дабра; Не зведаўшы гора, шчасце не пазнаеш; Каму шчасце, а каму і бяда* і іншыя [5, 27–29].

Дзеяслоўным антонімам уласціва супрацьлегласць паводле дзеяння, руху ці стану як працэсу. Слова «працэс» у характарыстыцы дзеясловаў мае шырокае значэнне, таму яны могуць абазначаць канкрэтнае фізічнае дзеянне (*Лепш з разумным згубіць, чым з дурнем знайсці* [5, 206]; *Лепш даваць, чым браць* [5, 127]); мову і думку (*Бойся не таго, хто крычыць, а таго, хто маўчыць* [4, 62]; *Трэба ўмець сказаць, трэба ўмець і змаўчаць* [4, 65]), змену прыметы ці стану (*Ад дубцоў дурнеюць, ад слаўцоў разумнеюць* [5, 184]), пачатак і канец дзеяння (*Як пачнеш, так і скончыш* [5, 168]), дзеянні, якія цалкам узаемаадмаўляюцца (*Хто нарадзіўся, той і паміраць мусіць* [4, 75]; *Жыць важка, а паміраць яшчэ горш* [5, 78]), а таксама стан чалавека (*Ці плакаць, ці смяяцца – усё адно моршчыцца* [4, 487]) і інш.

Сярод прыметнікавых антонімаў прадуктыўным класам з’яўляюцца якасныя прыметнікі (70%), якія найчасцей абазначаюць: уласцівасці і якасці, што ўспрымаюцца органамі пачуццяў (*Пакаштаваўшы салодкага, не захочаш горкага* [4, 387]; *Хлеб бывае траякі: чорны, белы і ніякі* [5, 149]), уласцівасці характару, асаблівасці псіхічнага складу чалавека (*Ад добрага чалавека хлеб смачнейшы, чым пірог ад дрэннага* [5, 283]; *Добрая жонка – дома рай, злая – хоць ты цягу дай* [5, 131], выражаюць агульную ацэнку (*Кепскія песні лепш за добрыя слёзы* [5, 116]; *Няма нічога тайнага, каб не стала яўным* [3, 292]).

Супрацьпастаўляцца могуць і прыналежныя прыметнікі (*Матчын кулак вучыць, а мачышын сушыць* [5, 136]), але ў мове беларускіх прыказак яны сустракаюцца рэдка. Адносныя прыметнікі тыпу *драўляны, аўсяны, сярэбраны* антонімаў не маюць, бо абазначаюць пастаянную, нязменную прымету прадмета праз яго адносіны да іншых прадметаў.

Вялікую групу (каля 200 адзінак) у прыказках утвараюць пары, дзе супастаўляюцца прыметнікавыя антонімы, якія абазначаюць якасную характарыстыку са значэннем ацэнкі і меры якасці: *Вялікая кабыла, ды малая сіла; Вялікі цела, ды малы дзелам; Вялікая дзірка, ды малая накрывка; Вялікага дуба з малым карэннем не бывае* [5, 277–278] і інш.

Разнастайнымі паводле характару семантычнай супрацьлегласці з’яўляюцца прыслоўныя антонімы. У колькасных адносінах яны значна багацейшыя за ўсе астатнія (больш за 500 антанімічных пар), што абумоўлена сутнасцю самога прыслоўя як нязменнай вытворнай часціны мовы.

У прыказках ужываюцца прыслоўныя антонімы, якія выражаюць наступныя віды адносін:

- якасныя: *Не тады, калі **соладка**, а тады, калі **горка**, прыяцель патрэбен* [5, 92]; *Летш **кепска** ехаць, як **добра** ісці* [5, 154];
- колькасныя: *Дарадчыкаў знойдзеца **багата**, ды дапамогі ад іх **мала*** [4, 156]; *Еду **скора** – услед гора, еду **ціха** – услед ліха* [5, 64];
- спосабу дзеяння: *Ідзі **хутка** – бяду здагоніш, ідзі **навольна** – цябе здагоніць* [5, 60];
- месца: *Беражыся каровы **спераду**, а каня **ззаду*** [2, 36]; *І **адсюль** гарача, і **адтуль** боляча* [3, 62]; ***Уніз** вада знясе, а **ўверх** бяда вывезе* [4, 79];
- часу: *Хвалі мяне **сёння**, а я цябе **заўтра*** [6, 416]; *Трэба **ўлетку** назбіраць, каб **узімку** было што каштаваць* [6, 195].

Супрацьпастаўляюцца ў прыказках і няпэўна-колькасныя словы ў спалучэнні з назоўнікамі: *Будаваўнікаў **многа**, а ратаваўнікаў **мала*** [5, 88]; *З пустой бочкі **грукату** **многа**, а **толку** **мала*** [5, 90]. Гэты тып антаніміі прадуктыўнасцю не вызначаецца.

Лексічна абмежаваную групу слоў утвараюць займеннікавыя антанімічныя пары. Пры гэтым, у прааналізаваных прыкладах пераважаюць прыналежныя займеннікі: *Не вер **чужым** рачам, ды вер **свайм** вачам* [6, 54]; *Хай таму вока вылезе, што **сваю** жонку мае, а **чужую** пасе* [5, 261]; ***Чужы** дурань – смех, а **свой** дурань – сорам* [2, 256]; ***Чужую** хату тапіць – **свае** вочы сляпіць* [5, 255] і інш.

Вывады

Аналіз лексічнага матэрыялу дазваляе выявіць значную структурна-граматычную разнастайнасць антонімаў, засведчаных у беларускіх прыказках.

Паводле характару семантычнай супрацьлегласці сярод асноўных класаў антонімаў вылучаюцца кантрарныя, кампліментарныя, вектарныя антонімы і антонімы-канверсівы. У колькасных адносінах кантрарная антанімія значна пераважае ў параўнанні з іншымі семантычнымі тыпамі антонімаў.

Згодна з лексіка-тэматычнай класіфікацыяй, антонімы абазначаюць разнастайныя якасці і ўласцівасці, пачуцці і стан чалавека, з’явы прыроды, часавыя і прасторавыя паняцці, процілегла накіраваныя дзеянні, колькасць і інш. Складанасць класіфікацыі антонімаў заключаецца ў выяўленні сувязі паміж унутранымі семантычнымі ўласцівасцямі слоў дадзенага класа з аднаго боку, і прыналежнасцю іх да той ці іншай часціны мовы – з другога.

Літаратура

1. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М. : Москов. ун-т, 1982. – 437 с.
2. Янкоўскі, Ф. М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. М. Янкоўскі. – 3-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.
3. Аксамітаў, А. С. Прыказкі і прымаўкі : тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIII і XX стст. / А. С. Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 327 с.
4. Лазоўскі, У. М. Слоўнік антонімаў беларускай мовы: канкрэтныя выпадкі ўжывання / У. М. Лазоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1994. – 293 с.
5. Ліцвінка, І. Я. Слова міма не ляціць: беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / І. Я. Ліцвінка, А. А. Царанкоў. – Мінск : Універсітэцкае, 1985. – 149 с.
6. Шкраба, І. Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі / І. Шкраба, Р. Шкраба. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 149 с.
7. Лепешаў, І. Я. У слоўніковую скарбонку : навучальны дапам. / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 1999. – 89 с.

Summary

The article deals with the peculiarities of the semantic types of antonyms on the material of Belarusian proverbs. The semantic peculiarities of antonyms were revealed as a result of the study. Four types of antonyms have been allocated: contradictories, contraries, incompatibles and directional opposites.

Паступіў у рэдакцыю 26.11.10.

Т. В. Пузевич, А. В. Иванова

**ПРИЁМЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЛОРУССКИХ КУЛЬТУРОНИМОВ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ПРИ ВТОРИЧНОМ ПЕРЕВОДЕ
(на материале повести В. Быкова «Знак беды»)**

В статье рассматривается специфика передачи белорусских культуронимов на английский язык при вторичном переводе. Разработана классификация культурно-маркированных единиц и проведен анализ переводческих приемов передачи культуронимов на русский и английский языки. Были выявлены и описаны следующие приемы передачи белорусских культуронимов: транскрипция или транслитерация, калькирование, гипонимический перевод, описательный перевод, опущение культуронима и применение функционального аналога.

Введение

В статье представлены результаты исследования приемов передачи белорусских культурно-маркированных единиц на английский язык. Материалом для данного исследования послужил белорусскоязычный оригинал повести В. Быкова «Знак беды», а также ее русскоязычный перевод, выполненный самим автором, и перевод на английский язык, выполненный носителем английского языка, – переводчиком Найджелом Тимоти Коуи. Одним из главных критериев выбора в качестве источника материала исследования повести В. Быкова «Знак беды» стала страноведческая значимость произведения, степень его насыщенности культуронимами, персонажами, образами. Под культуронимами мы, вслед за В. В. Кабакчи, понимаем «языковые единицы, выступающие в качестве элементов обозначения мировой культуры» [1, 7].

Исследуя проблему культурно-маркированных единиц, В. В. Кабакчи выделил несколько групп: универсальные культуронимы, или «полионимы», – это культуронимы, являющиеся универсалиями в мировой культуре, и специфические культуронимы – «идиокультуронимы». В данном случае В. В. Кабакчи замечает, что последний термин соответствует понятиям «языковые реалии» или «безэквивалентная лексика». В. В. Кабакчи также разграничивает первичные идиокультуронимы, называя их идионимами (культуронимы, специфичные для внутренней культуры данного языка), и иноязычные языковые единицы данного языка – ксенонимы, – используемые в качестве наименований элементов внешних (иноязычных) культур.

Результаты исследования и их обсуждение

1 Характеристика материала и методы его анализа. В данном исследовании переводческому анализу подверглись те предложения на языке оригинала, которые содержат культуронимы. Их переводные эквиваленты выбирались из русскоязычного и англоязычного переводов повести и включались в банк данных. Особое внимание уделялось тем случаям, когда переводчик при переводе преднамеренно опускал целые предложения, которые содержали большое количество культуронимов. В результате проведенного исследования было проанализировано 252 страницы белорусскоязычного текста повести, 242 страницы русскоязычного перевода и 408 страниц англоязычного перевода текста повести. Всего была отобрана 831 единица, из них 287 белорусскоязычных культуронимов, а также 274 русских и 270 английских переводных соответствий культуронимов.

Исследуя белорусские культуронимы в оригинальном тексте повести и сопоставляя их с английскими вариантами перевода, мы пришли к выводу, что перевод повести «Знак беды» был сделан не с белорусского оригинала, а с русскоязычного перевода, который выполнил сам В. Быков. Нами было выделено несколько основных положений, которые это доказывают.

1. Транскрибирование или транслитерация имен собственных на английский язык осуществлялись не с белорусского, а с русского языка.

2. Опускания слов, словосочетаний и целых предложений, произведенные самим автором при переводе на русский язык, совпадают с опущениями в англоязычном тексте.

3. Добавления слов, словосочетаний и целых предложений в русскоязычном авторском переводе имеют параллели в англоязычном тексте.

Работа включала в себя несколько этапов. На первом этапе была осуществлена выборка культуронимов из оригинала повести «Знак беды» и их эквивалентов из русскоязычного и англоязычного переводов. Отбор культуронимов осуществлялся на основании следующих критериев: 1) тематическая отнесенность (принадлежность к определенному классу явлений, характерных для культурно-маркированных единиц, например топонимы, обозначения предметов быта и др.); 2) наличие либо отсутствие эквивалента в переводных словарях.

Второй этап состоял в классификации отобранных культуронимов по принципу первичности/вторичности языковой вербализации (принцип, разработанный В. В. Кабакчи). Третьим этапом анализа было тематическое разделение культуронимов на группы и подгруппы на основе их предметного содержания (деление по С. Влахову и С. Флорину) [2]. Таким образом, мы выделили пять групп: белорусские идионимы (*Замошша, Сцепаніда, высялкоўцы, апоркі*), авторские белорусские идионимы (*Баранні Лог, Слабадскія Выселкі, Гузы*), советские идионимы (*Салаўкі, сельмаг, сельпо, льнаводка*), ксенонимы (*Галгофа, Гітлер*) и авторские ксенонимы (*Петракова Галгофа*). На четвертом этапе были выявлены приёмы передачи белорусских культуронимов на русский язык в авторском переводе повести. Пятый этап заключался в анализе приемов передачи культуронимов при вторичном переводе повести на английский язык. Шестым этапом анализа стала количественная обработка полученного материала.

2 Продуктивность различных приемов передачи белорусских культуронимов на английский язык. При передаче белорусских культуронимов могут возникать следующие трудности: отсутствие в языке перевода эквивалента культурно-маркированной единицы, а также необходимость передачи коннотации культуронима. Подход к передаче культуронимов в русском и английском переводах повести «Знак беды» не всегда совпадает, поэтому мы считаем целесообразным проанализировать способы передачи, к которым прибегали В. Быков и Т. Коуи, и выбрать наиболее удачные.

Основываясь на имеющихся классификациях переводческих трансформаций и с учётом специфики языкового материала, нами была разработана следующая классификация приёмов передачи культуронимов: 1) транскрипция или транслитерация; 2) калькирование; 3) описательный перевод; 4) гипонимический перевод; 5) приём опущения культуронима; 6) функциональные аналоги; 7) гибридные культуронимы.

Данные о частотности использования указанных приемов в анализируемых текстах приведены в таблице (В. Б. – В. Быков, Т. К. – Т. Коуи).

Таблица – Частотность приёмов передачи белорусских культуронимов на русский и английский языки

	Белорус. идионимы		Авторские белорусские идионимы		Советские идионимы		Ксенонимы		Авторские ксенонимы	
	В. Б.	Т. К.	В. Б.	Т. К.	В. Б.	Т. К.	В. Б.	Т. К.	В. Б.	Т. К.
Транскрипция / транслитерация	131	72	2	–	65	9	11	9	1	1
Калькирование	25	72	–	3	11	54	–	1	–	–
Гипонимический перевод	9	8	–	–	1	8	–	–	–	–
Описательный перевод	–	12	–	–	–	6	–	–	–	–
Опущение	8	11	–	–	3	4	2	2	–	–
Гибридные культуронимы	2	1	–	–	4	2	–	–	–	–
Функциональные аналоги	9	9	1	–	1	–	–	1	–	–

Согласно данным таблицы, основными способами передачи белорусских культуронимов являются транслитерация/транскрипция и калькирование. Так, из 287 белорусских культуронимов на русский язык были переданы 273 единицы, а на английский – 270 единиц. При передаче белорусских культуронимов на русский язык чаще всего использовались приёмы транскрипции /транслитерации – 73,8% и калькирования – 12,6%, затем идёт приём опущения – 4,6% и функциональный аналог – 3,8%. Реже всего встречаются гипонимический перевод – 3,5% и гибридные культуронимы – 1,7%.

При вторичном переводе белорусских культуронимов с русского языка на английский чаще всего использовались приёмы калькирования – 45,6% и транскрипции/транслитерации – 31,9%, на третьем месте стоит описательный перевод – 6,4%. Менее частотны приём опущения – 5,9%, гипонимический перевод – 5,7%, приём функционального аналога – 3,5%. Реже всего встречаются гибридные культуронимы – 1%.

2.1 Приёмы транскрипции и транслитерации. Наиболее широко приёмы транскрипции и транслитерации применяются при передаче имён собственных и географических названий как на русский, так и на английский язык. По мнению белорусского лингвиста и переводчика В.С. Слеповича, передача белорусских имён собственных, в том числе географических названий, на английский язык осуществляется транслитерацией в сочетании с транскрипцией. Поскольку правописание в белорусском языке носит фонетический характер, а в русском является историческим, соответственно передача русских имён собственных осуществляется с помощью транслитерации [3, 93].

Исследование показало, что передача белорусских географических и антропонимических идионимов на английский язык осуществлялась с русского варианта текста, перевод которого был сделан самим В. Быковым. Приведём некоторые примеры использования транскрипции и транслитерации в исследуемых текстах:

(бел.) *Так звалі і пасля, як местачковыя камсамольцы **Капылюў** Жэнька, **Меерсон** і малодшы **Хвасько** ўвосень павалілі крыж* [4, 131].

(рус.) *Так продолжали называть и после того, как местечковые комсомольцы **Копылов**, **Меерсон** и **Хвасько** осенью повалили крест* [5, 145].

(англ.) *And local folk continued to so call the hillock even after the Borough Young Communists **Kopylov**, **Meerson** and **Hwasko** tossed over the cross in the autumn* [6, 209].

Передача советских идионимов представляет особый интерес, поскольку переводчику необходимо учитывать отсутствие их референтов в стране читателя перевода. При передаче советских идионимов должна учитываться осведомлённость читателя. В двуязычных словарях (русско-английских и белорусско-английских) советизмы в большинстве случаев либо транскрибируются, либо калькируются, а также встречаются случаи транскрипции и перевода.

При переводе на русский язык советские идионимы транслитерируются либо применяется сочетание транскрипции и транслитерации:

(бел.) *Сцэпаніда прыбегла надвячоркам – задыханая, спатнелая, без хусцінкі на раскудлачанай галаве, у прапацеляй паркалёвай кофце – аказалася, яна ўжо збегала ў мястэчка, у **райкам**, **міліцыю**, дазнавалася, завошта – Лявона?* [4].

(рус.) *Степанида прибежала к вечеру, расстроенная, без платка на взлохмаченной голове, в пропотевшей ситцевой кофте, оказалось, она уже слетала в местечко, в **райком**, в **милицию**, дознавалась: за что Левона?* [5].

(англ.) *Stepanida ran up towards evening in a tissy, it turned out she had run to the Borough, **the District Committee**, and **the police, or People's Militia**, to find out why Levon had been taken away* [6].

Культуронимы *райкам*, *міліцыя* при передаче на русский язык транслитерируются *райком*, *милиция*, однако при их переводе на английский язык переводчик использовал приём калькирования – *District Committee* и сочетание функционального аналога и кальки – *police, or People's Militia*.

2.2 Калькирование. Анализ перевода повести «Знак беды» показал, что, в основном, переводчик прибегал к калькированию при передаче ономастических идионимов. Имя собственное при переводе заимствуется, транскрибируется, но как исключение, может подвергаться переводу и, в частности, калькироваться. Рассмотрим пример передачи авторского

географического названия (бел.) *Баранні Лог* – (рус.) *Бараний Лог* – (англ.) *Ram Ravine*. Англоязычный переводчик использует приём калькирования, в то время как В. Быков – транслитерацию, благодаря чему данное географическое название утратило лишь своё идионимическое значение.

(бел.) *Сцепаніда ведала, што на ўзлеску карова паверне ад дарогі ўбок – цераз пагорак да Баранняга Логу і там ужо трэба глядзець пільней, каб не шыгганула куды далей з воч [4, 6].*

(рус.) *Степанида знала, что на опушке корова повернет в сторону Бараньего Лога и там, в ольшанике, надо будет смотреть за ней строже, чтобы не шыгнула куда-нибудь долой с глаз [5, 24].*

(англ.) *Stepanida knew that the cow would turn toward Ram Ravine and therein the alder thicket she would have to keep a closer eye on her lest she slipped off somewhere [6, 7].*

Значение культуронимов-калек, в отличие от транслитерированных культуронимов, является достаточно мотивированным, что значительно облегчает понимание иноязычного текста.

2.3 Гипонимический перевод. При данном способе адаптации культуронимов в языке перевода функцию обозначения специфического элемента внешней культуры выполняет ближайший по значению идиониму полионим (лексическая единица, закрепленная за универсальными элементами языка). Принцип родовидовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание культуронима единицей с более широким значением, подставляя родовое понятие вместо видового. По сути дела, переводчик прибегает к приему генерализации.

Высокая частотность генерализации объясняется краткостью и кажущейся понятностью перевода для всех носителей языка перевода, однако это может привести к недопустимой национально-культурной ассимиляции, поскольку эквиваленты-гипонимы могут создавать не вполне правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления. Например:

(бел.) *Як-колучы ўладкаваўшы скаціну, яны пасёрбалі ўпрыцёмку астылага зранку крупніку і наклаіся спаць, ён – за поцілкай на ложку, а яна – на палку ў запечку [4, 20].*

(рус.) *Кое-как управившись со скотом, они наскоро похлебали остывшего в печи супа и легли спать – он на кровати за шкафом, а она в запечье [5, 38].*

(англ.) *Having seen to the animals somehow or other, they slurped down the soup which had gone cold in the stove and settled down for the night – he on the bed behind the cupboard and she in the niche beyond the stove [6, 31].*

В переводе повести «Знак беды» культуроним *крупнік* В. Быков передал словом *суп*. Данное слово имеет более широкое значение и не является маркированным. В результате чего теряет национально-культурную окраску русский перевод, и, соответственно, английский. В английском переводе использован словарный эквивалент слова *суп* – *soup*.

2.4 Описательный перевод. При передаче белорусских культуронимов на русский язык В. Быков не использовал приём описания, в силу близости белорусской и русской культур, в то время как англоязычный переводчик Т. Коуи довольно часто прибегал к данному приёму. Чаще всего приём описания использовался для передачи белорусских этнографических идионимов, а также советских этнографических и общественно-политических идионимов.

(бел.) *На ногі яна не мела чаго абуць і хадзіла да замаразкаў босая, а пасля абувала апоркі ці скарэлыя буркі, што недзе валяліся ў запеччы [4, 6].*

(рус.) *Обуть на ноги ей было нечего, и она до заморозков ходила босая, а потом обувала опорки или ссохшиеся за лето бурки, которые где-то валялись за печкой [5, 6].*

(англ.) *She had nothing to put on her feet. Up to the frosts she had gone about without shoes and then had put on ragged affairs or makeshift felt boots which had dried out over the summer and had been lying somewhere beyond the stove [6, 7].*

В данных предложениях для передачи культуронима (бел.) *буркі* – (рус.) *бурки* – (англ.) *makeshift felt boots* англоязычный переводчик применил описательный перевод, в то время как сам В. Быков использовал транслитерированный словарный эквивалент.

2.5 Приём опущения культуронима. Причина опущения культуронима в англоязычном тексте может состоять в том, что перевод повести осуществлялся через русский текст перевода, и опущение культурно-маркированных единиц произошло уже при переводе на русский язык.

Очевидно, сам В. Быков, переводя «Знак беды» на русский язык, опускал или же, наопротив, добавлял слова и даже целые предложения, тем самым в русскоязычном переводе повести наблюдается некоторое нивелирование национальной самобытности белорусской культуры.

Так, больше всего культуронимов было опущено в группе белорусских (10 единиц) и советских (5 единиц) идионимов, а также в группе ксенонимов (1 единица). Причём в группе белорусских идионимов опущение произвёл сам В. Быков, не уделив особого внимания именам собственным и географическим названиям, а также значительному числу этнографических идионимов. В некоторых случаях, например в предложении, в котором опущен культуроним *сечка*, опущение культурно-маркированной единицы не влияет на смысл:

(бел.) *Яна размашыста секла **сечкай** траву ў карытцы* [4, 53].

(рус.) *Она размашисто рубила **сечкой** траву в корыте* [5, 50].

(англ.) *She chopped grass in even strokes in the tub* [6, 53].

В данном контексте нет необходимости уточнять, чем Степанида рубила траву.

2.6 Функциональные аналоги. Функциональный аналог представляет собой случай, когда языковая единица исходного языка передается такой единицей языка перевода, которая вызывает сходную реакцию у иностранного читателя. Приведём пример функционального аналога:

(бел.) *Пятрок змалоў, можа, з **гарнец** жыта, пакратаў рукой мяккую, цеплаватую ля цёплых камянёў муку і падумаў, што калі ўжо ўзяўся, дык трэба намалоць болей – і на хлеб, і на брагу, бо трэба ж заквашваць зноў* [4, 213].

(рус.) *Петрок смолот, может, с **четверть** ржи, пощупал рукой мягкую, тепловатую возле нагретых камней муку и подумал, что если уж взялся, так надо намолоть побольше – на хлеб и на брагу, потому что надо же заквашивать снова* [5, 199–200].

(англ.) *Petrok had milled perhaps a good **quarter** of the rye, felt the soft warm flour by the hot stones, and thought that, seeing as he'd started, he should grind some more for bread and malt for it was time to ferment once again* [6, 301].

В «Глумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы» даёцца следующее определение культурониму *гарнец* – ‘старая мера сыпкіх рэчываў, роўная 3,28 літра, а таксама пасудзіна такой ёмістасці’ [7, 145]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова представлено три значения слова *четверть*. Приведем те из них, которые имеют непосредственное отношение к обозначению меры: ‘1) четвёртая часть целого; 3) мера, первоначально равная четвёртой части какой-нибудь единицы измерения’ [8, 767]. Таким образом, в англоязычном тексте используется функциональный аналог слова *гарнец* – *quarter* ‘четверть’.

2.7 Гибридные культуронимы. Гибридная модель образования культуронимов включает в себя элементы транслитерации или транскрипции и калькирования. Заимствованная часть лексического гибрида обеспечивает точность межъязыковой номинации. Переводная часть облегчает понимание значения исходной лексической единицы. Такой культуроним легче воспроизвести, чем заимствование, легче запомнить и его значение:

(бел.) *Высветленыя ім, рэзка азначыліся на зямлі гумы, садкі і будынкi **Слабадскіх Выселак**, што даўжэзным радам выцягнуліся на задарожным пагорку, воддаль засінеў хвойны лес, а бліжэй і правей лёгенька зазелянеў малады гушчар хвойнічку, роўна прарэзаны паскам гасцінца* [4, 9].

(рус.) *Освещенные косыми лучами, четко обозначились на земле огороды, сады и постройки **Слободских Выселок**, длинным рядом растянувшихся по задорожному пригорку, поодаль засинела зубчатая стена елового леса, а ближе и правее весело закурчавилась на склоне чаща молодого сосняка, прорезанная узкой лентой дороги* [5, 27].

(англ.) *Illumined in the slanting rays, the gardens, orchards and buildings of **Sloboda Settlements** stood out clearly stretching in a long row along the hill beyond the road. Further afield the indented wall of the fir-tree forest showed blue, and closer and to the right curled on a slope a copse of young pines cut in two by the narrow ribbon of road* [6, 12].

Географическое название *Слабадскія Выселкі* на русский язык передано транслитерацией *Слободские Выселки*. При передаче на английский язык географическое наименование (имя собственное) транслитерируется – *Sloboda*, а его второй компонент калькируется – *Settlements*.

Выводы

Повесть В. Быкова «Знак беды», благодаря особому использованию автором лексических средств для передачи культурно-исторического своеобразия произведения, содержит множество культуронимов. На основе принципа первичности-вторичности языковой вербализации, разработанного В. В. Кабакчи, мы выделили следующие группы культуронимов: белорусские идионимы, авторские белорусские идионимы, советские идионимы, ксенонимы и авторские ксенонимы.

Основными приёмами передачи белорусских культуронимов на английский язык при вторичном переводе являются: транскрипция или транслитерация, калькирование, описательный перевод, гипонимический перевод, приём опущения культуронима, применение функционального аналога и гибридные культуронимы.

Літаратура

1. Кабакчи, В. В. Практика английского языка межкультурного общения / В. В. Кабакчи – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 168 с.
2. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – 448 с.
3. Слепович, В. С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский = Russian – English Translation Handbook / В. С. Слепович. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 304 с.
4. Быкаў, В. Знак бяды / В. Быкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 254 с.
5. Быков, В. Знак беды; Карьер : повесть, роман / вступ. ст. Д. Бугаева. – Минск : Мастацкая літаратура, 1989. – 542 с.
6. Bykov, V. Potent of Disaster / Translation from Byelorussian by Nigel Timothy Coey / V. Bykov. – Minsk : Mastatskaya Litaratura Publishers, 1989. – 415 p.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Астраховіча. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1978. – Т. 2. – 663 с.
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов / под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1984. – 797 с.

Summary

In the article the means of rendering Belarusian cultural terms into English in case of secondary translation have been revealed and described. The types of cultural terms as well as the frequency of different means of rendering culture specific vocabulary have been found out and analyzed. The novelty of the research is determined by the breadth of the approach to the definition of cultural terms that takes into account both their linguistic features and cultural and historical factors, reflected in the Belarusian lexemes.

Поступила в редакцию 12.10.11.

УДК 811.111:811(043.3)

*Е. В. Сажина***ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАЦИИ
В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Коммуникативная деятельность человека представляет собой многоплановый процесс, который требует всестороннего изучения, в связи с чем возникает необходимость в установлении особенностей данного процесса на языковом уровне в рамках дискурса, чему и посвящена настоящая статья. В ходе проведения исследования на материале англоязычных проблемных статей и откликов на них выявляется репертуар интенций и языковых средств, участвующих в реализации последних. При этом для проблемных статей характерно наличие ведущей и второстепенной интенций. Выявляется, что наряду с воплощением интенций происходит установление контакта в полемическом дискурсе, который получает свое продолжение в диалогизации процесса общения между участниками, которые выражают согласие/несогласие с элементом оценки по отношению к самой статье в целом, теме статьи, к проблеме.

Введение

Коммуникация, представляющая собой сложное сплетение различных аспектов человеческого бытия, не оставляет равнодушным представителей многочисленных отраслей науки. На протяжении столетий ученые лингвисты пытаются постичь тайны, начиная от причин порождения коммуникации и до ее результатов. Так, в разные периоды истории были установлены структура и основы коммуникации, определены участники, цели и задачи коммуникативной деятельности в различных сферах нашей жизни, мотивы, побуждающие человека к организации коммуникации и т. д. В настоящее время повышенный интерес наблюдается в области установления языковых закономерностей, обуславливающих порождение, поддержание и завершение коммуникативного процесса. В этой связи считаем уместным обратить внимание на исследование коммуникации в рамках полемического дискурса печатных СМИ, чья диалогическая структура уже сама по себе является своеобразной, поскольку такой диалог может вестись на уровне отдельных реплик-высказываний, представленных информационными фрагментами текстов проблемной статьи и откликов, формирующих его внутреннюю структуру, а также на уровне реплик-текстов, представляющих собой целый текст проблемной статьи с одной стороны и целый текст отклика с другой стороны, образующих его внешнюю структуру.

Результаты исследования и их обсуждение

Традиционно *диалог* понимается как диалог с непосредственной обратной связью, где смена речевых субъектов, определяющая границы высказывания, представлена наиболее ярко [1, 38]. М. М. Бахтин раскрыл универсальный диалогический характер человеческой речи; с этим открытием связана его теория высказывания, или теория речевых жанров. «Ни одно высказывание, – отмечал М. М. Бахтин, – не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [2, 456]. Любое произведение, как и реплика диалога, нацелено на понимание адресатом, под влиянием которого осуществляются отбор и аранжировка языковых средств адресантом. В письменной речи нет конкретного адресата, но автор должен представлять своего потенциального читателя, учитывая ряд параметров, одним из которых является интенциональная составляющая любого рода коммуникации.

В современной лингвистике существует множество подходов к трактовке термина «интенция». Так, Э. Кошмидер соотносит интенцию (*intentum*) как «мыслимое, содержащееся в мысли» с обозначаемым (*designatum*), противопоставляя ее, таким образом, обозначающему [3]. О. С. Ахманова приводит определение, согласно которому интенция понимается как потенциальное или виртуальное содержание высказывания [4]. В этом определении интенция противопоставляется актуальному или высказанному содержанию.

В других толкованиях интенция отождествляется с целью высказывания, что позволяет соотносить цели высказывания с обобщенной интенцией говорящего: сообщить, осведомиться о чем-либо или побудить к чему-либо. Однако исследователи обычно не останавливаются на столь абстрактном понимании интенции. Они детально анализируют коммуникативные интенции, выделяемые в диалогах на естественных языках, и на их базе пытаются составлять универсальный каталог коммуникативных интенций, пригодный для многих, если не для всех современных языков [5].

В настоящей статье под *интенцией* понимается коммуникативное намерение говорящего, которое сформировалось на основе потребностей и мотивов общения и реализуется определенными языковыми средствами [6]. В качестве единицы реализации интенции может приниматься речевой акт как минимальная единица речевого общения, так как именно в понятии речевого акта отражен функциональный аспект высказывания (Е. В. Падучева, I. Kurcz, K. Pisarkowa). В этом случае речевой акт рассматривается с учетом всего комплекса факторов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в процессе коммуникации, ситуацией общения. Однако, несмотря на то, что термин интенция связывается в основном с теорией речевых актов, в настоящей работе мы обращаемся к анализу глаголов, прилагательных и существительных, которые являются эксплицитными маркерами выражения той или иной интенции, при этом их анализ будет проводиться в контексте, а не изолированно.

Анализ проблемных статей позволил установить репертуар интенций, получающих эксплицитное выражение при помощи различных средств языка. Безусловно, наиболее распространенной оказалась интенция информирования, что обусловлено целью самой проблемной статьи. Однако данная интенция представляет, на наш взгляд, комплексное явление, поскольку сочетает в себе такие намерения, как упрек, критика, побуждение, удивление и т. д. Рассмотрим пример статьи «*Let them drink Coke*», посвященной запрету на употребление Кока-колы в Нью-Йорке:

*In any case, I can afford a healthier option. **The problem is** that many people not only cannot afford to choose what is better for them, but that quite often, the choice is not even available.*

В настоящем примере цель статьи – проинформировать о существующей проблеме читателя – отражает интенцию автора очертить тематику данной проблемы, что он успешно осуществляет при помощи предикативного словосочетания *The problem is*. С другой стороны, одновременно с информированием автор намеревается выразить возмущение, что достигается путем противопоставления возможностей, которые есть у автора статьи (*I can afford a healthier option*), и той действительностью, с которой сталкивается большинство граждан, т.е. отсутствием возможности приобрести полезные напитки, а не газированную воду (*many people not only cannot afford to choose, the choice is not even available*). Благодаря использованию прилагательного *many*, усилительных наречий *only, even* интенция упрека автора статьи получает свое языковое выражение.

Таким образом, мы приходим к выводу, что для проблемных статей характерно языковое воплощение авторской интенции информирования, которая всегда включает в себя одну или сразу несколько сопутствующих интенций.

Анализ откликов, в свою очередь, показал, что для них зачастую характерно выражение такой интенции, как *возражение*. Например:

*- **Contrary to the article** and some of these posts, I've never seen or heard of a bully being censored by his/her organization.*

Как правило, *возражение* передается при помощи прилагательных и существительных, а также глагола *think* в отрицательной форме. При этом следует подчеркнуть, что интенция возражения является косвенной, что, возможно, объясняется, во-первых, удаленностью коммуникантов во времени и пространстве, во-вторых, стремлением к деликатному ведению дискуссии.

Другой не менее распространенной интенцией в откликах читателей является *совет*. Рассмотрим следующие примеры:

*- I think **they should be used** only in very limited cases (nuclear devices, sensitive chemical material, etc.).*

- *My advice to those who are bullied is to document each incident as soon as it happens while the details are fresh and create a file at home for this. Save every e-mail, and even voicemail, if you can.*

Как видно из выше приведенных примеров, для выражения совета в откликах читателей наиболее часто используются модальный глагол *should*, существительное *advice* или глагол *advise*, а также повелительное наклонение. Исходя из полученных данных, можно предположить, что совет, в отличие от возражения, получает прямое выражение в откликах по той причине, что представляет собой директив, служащий побуждению адресата к тому или иному действию, что способствует реализации цели полемиического дискурса.

Менее распространенными в откликах читателей оказались следующие интенции: *упрека, рекомендации, обращения, похвалы, благодарности*, которые получают языковое воплощение в виде модальных глаголов, сослагательного наклонения или директивных глаголов, личных и притяжательных местоимений второго лица, эмоционально-оценочных прилагательных и существительных и т. д. Однако интенции в чистом виде (выражены соответствующими глаголами) в откликах читателей присутствуют гораздо реже, чем те, которые реализуются с помощью других языковых средств.

Полученные результаты позволили продолжить исследование и установить языковые признаки реализации интенций как авторов проблемной статьи, так и читателей, которые привели к установлению контакта между участниками дискурса и развязыванию дискуссии.

Поскольку полемический дискурс диалогичен, то закономерным является рассмотрение такой его функции, как контактоустанавливающая, которая, исходя из узкой трактовки, может рассматриваться с позиции лишь непосредственно фазы установления контакта. В рамках этого подхода, следовательно, выделяют также контактоподдерживающую и контактозамыкающую функции. Широкая трактовка подразумевает, что установление контакта происходит на всем протяжении процесса коммуникации. В настоящей статье контактоустанавливающая функция рассматривается как одна из доминантных, определяющих функционирование других аспектов коммуникации, и, вслед за Г. В. Карпук, под контактом как условием успешной реализации коммуникативного намерения мы будем понимать «установку на достижение эмоционально-интеллектуального взаимопонимания, регулирование коммуникативной дистанции (как правило, ее сокращение), формирование доверия и достижение позитивной настроенности коммуникантов по отношению друг к другу» [7, 4].

Как показывает исследование, языковые средства реализации контактоустанавливающей функции получают эксплицитное выражение, как правило, в откликах читателей, поскольку задача идентификации автора сообщения решается автоматически с помощью программной оболочки сетевого ресурса печатного издания (в начале каждого отклика приводится имя или псевдоним читателя), обеспечивая тем самым сокращение дистанции между участниками дискуссии. Такое сокращение дистанции определяет репертуар языковых средств, используемых читателями для установления контакта друг с другом. Так, наибольшее распространение получает обращение, которое может быть выражено как именем собственным (сюда включаются также псевдонимы читателей), именем нарицательным, так и иметь собирательный характер. В откликах читателей также встречается обращение к автору статьи, что может стимулировать последнего к продолжению серии публикаций на ту или иную проблемную тематику. Рассмотрим пример отклика на статью «*Untying the Knot*», посвященную проблеме разводов: *I don't understand how you could quote this statistic with its valid conclusion ...*

В данном примере отчетливо прослеживается намерение автора отклика установить контакт с автором предыдущего отклика, поэтому он обращается к нему (*you*) с требованием обосновать выдвинутую другим читателем точку зрения. Употребление местоимения второго лица свидетельствует о реализации контактоустанавливающей функции.

В другом примере отклика на статью «*Let them drink Coke*», посвященную проблеме запрета употребления Кока-колы в Нью-Йорке, читатель использует обращение к помощникам редактора для установления с ними контакта, чтобы указать на допущенную автором статьи ошибку: *Aaaargh! It was not Marie Antoinette, and the reference was to brioche rather than cake! Sub editors, PLEASE!*

Контактоустанавливающий потенциал полемиического дискурса, в целом, и откликов читателей, в частности, расширяется за счет местоимений первого и второго лица множественного числа, которые регулируют сокращение дистанции между говорящим и аудиторией, способствуют более свободному выражению мыслей авторов откликов. В свою очередь междометия-приветствия и разговорные стереотипы менее распространены в исследуемом типе дискурса, что объясняется непринужденной обстановкой общения между коммуникантами и их удаленностью во времени и пространстве, тем самым снижая предполагаемый эффект от употребления данных средств в реализации контактоустанавливающей функции в полемиическом дискурсе и относя их к вспомогательным средствам установления контакта.

Говоря об установлении контакта в полемиическом дискурсе, нельзя не учитывать такой аспект, как личность адресата. Как показало проведенное исследование, адресат полемиического дискурса печатных СМИ представляет собой не потенциальное неопределенное множество лиц, а обладает рядом характеристик, учет которых может способствовать моделированию адресантом речевых ситуаций определенной тематической направленности.

На языковом уровне адресат полемиического дискурса проявляет себя как коммуникант, стремящийся в первую очередь выразить согласие или несогласие с той или иной точкой зрения. При этом следует отметить, что для адресата полемиического дискурса характерно выражение согласия/несогласия не только с точкой зрения автора проблемной статьи, но и героев статьи, а также других читателей, т. е. коммуникация имеет многовекторную направленность, ведется в различных направлениях, и участники дискурса могут меняться коммуникативными ролями.

Реализация согласия/несогласия может происходить как при помощи прямых речевых актов, так и косвенных, при этом последние находят свое воплощение в виде метафор, риторических вопросов, восклицательных и побудительных предложений. Рассмотрим пример отклика на статью *Whose Recession Is It, Anyway?*, посвященную проблеме поиска виновников в экономическом кризисе 2008 года:

This whole inherit thing was overblown and basically it does not take a genius to know the blame needs to be equally shared by anyone in office including those in the majority whom owned congress and the budget – DEMOCRATS!

В вышеприведенном примере согласие с мнением о том, что демократов следует винить в обвале американской экономики, выражается не только при помощи модального глагола *need* в сочетании с глаголом *share*, но и восклицательным знаком в конце предложения, который усиливает иронический смысл высказывания о том, что нужно разделить ответственность между двумя партиями, но в конце высказывания эти две точки сливаются воедино, т. е. автор отклика предлагает возложить ответственность только на демократов.

Другой особенностью языка адресата является сопровождение выражения согласия/несогласия оценкой, реализующейся в большинстве случаев эмоционально-оценочной или оценочной лексикой. Оценка, которую дает адресат, свидетельствует не только о выражении отношения читателя к самой статье в целом, но и об уровне популярности темы, об отношении читателей к проблеме, например:

*The Democrats are being blamed because they are **impotent**. They've done virtually **nothing** for Main Street.*

Использование прилагательного *бессильный* в сочетании с отрицательным местоимением *ничего* дает оценку действиям демократов, которых обвиняют в возникновении кризиса.

Выше рассмотренные результаты свидетельствуют о том, что направление коммуникативного взаимодействия между участниками дискурса может варьироваться адресантом в различных направлениях диалога.

Выводы

Таким образом, проведя исследование, мы пришли к следующим выводам. Процесс коммуникации в полемиическом дискурсе многогранен и, преследуя цель решить возникшую в обществе проблему, предполагает наличие различных структурных и функциональных компонентов. Так, важной составляющей коммуникативной деятельности выступает интенция, которая получает языковое воплощение в виде различных эмоционально-оценочных существительных, прилагательных, глаголов, модальных глаголов и синтаксических конструкций.

Вербализация интенций ведет к их распознаванию адресатом и, соответственно, ответной реакции со стороны последнего, что свидетельствует об установлении контакта между участниками дискурса. В свою очередь контактоустанавливающий потенциал полемического дискурса, представленный такими языковыми средствами, как местоимения первого и второго лица множественного числа, междометиями-приветствиями и конверсационными стереотипами, является признаком диалогизации исследуемого типа дискурса.

Поскольку любой диалог предполагает наличие адресата, обращение к исследованию характеристик последнего позволило сделать ряд выводов. Так, было установлено, что на языковом уровне адресат полемического дискурса проявляет себя как коммуникант, стремящийся в первую очередь выразить согласие или несогласие не только с точкой зрения автора проблемной статьи, но и героев статьи, а также других читателей. Данный факт позволяет говорить о том, что коммуникация в полемическом дискурсе имеет многовекторную направленность, ведется в различных направлениях и участники дискурса могут меняться коммуникативными ролями.

Другой особенностью языка адресата является сопровождение выражения согласия/несогласия оценкой, получающей свое языковое воплощение в виде эмоционально-оценочной или оценочной лексики и позволяющей получать представление об отношении читателя к самой статье в целом, уровне популярности темы, отношении читателей к проблеме.

Полученные данные позволяют получить более детальное представление о коммуникативной природе англоязычного полемического дискурса печатных СМИ.

Літэратура

1. Соловьева, А. К. О некоторых общих вопросах диалога / А. К. Соловьева // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 36–42.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986. – С. 428–472.
3. Koschmieder, E. Beiträge zur allgemeinen Syntax / E. Koschmieder. – Heidelberg, C. Winter, 1965. – 224 S.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 605 с.
5. Арутюнов, А. Р. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) // Русский язык за рубежом / А. Р. Арутюнов, П. Г. Чеботарев. – 1993. – № 5–6. – С. 75–82.
6. Журавлева, Н. Н. Реализация коммуникативных интенций говорящего в различных социокультурных условиях (на материале интенции упрека в польском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Н. Н. Журавлева; БГУ. – Минск, 2007. – 23 с.
7. Карпук, Г. В. Контактотустанавливающая функция языка в судебном дискурсе (на материале выступлений русских и американских адвокатов): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. В. Карпук; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2006. – 20 с.

Summary

Man's communicative activity is a multilayer process which needs studying. In this respect there is a need for singling out the peculiarities of this process at the language level of the discourse. The article is devoted to this study. In the course of the research on the material of problem articles and responses to them we single out the repertoire of intentions and the language means which realize them. The leading and secondary intentions are characteristic of problem articles. It is found out that the establishing of the contact in the polemic discourse takes place together with the realization of intentions there. The contact leads to the realization of the dialogical function of the discourse. As a result of this the participants of the communication can express agreement/disagreement with elements of estimation of the article itself, the topic of the article as well as the problem.

Поступила в редакцию 29.06.11.

УДК 81

*А. В. Сасновская***КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ПАРАМЕТРЫ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА**

В статье исследуется роль ключевых слов в структуре поэтического текста. Обосновывается актуальность исследования ключевых слов как для понимания собственно текста, так и для адекватного перевода поэзии. Разрабатываются параметры выделения ключевых слов в поэтическом тексте.

Введение

Среди многих аспектов филологического анализа текста одним из малоразработанных, на наш взгляд, и вместе с тем одним из весьма значимых является вопрос о ключевых словах в структуре текста. Во-первых, данная проблематика имеет практическое значение, т. е. она связана с разработкой таких новых направлений, как компьютерная лингвистика, медиалингвистика, инженерная лингвистика. Во-вторых, проблема ключевых слов является актуальной для психолингвистики и библиопсихологии (Т. М. Дридзе [1], Л. В. Сахарный [2], А. С. Штерн [3] и др.). Например, А. И. Новиков определяет ключевые слова как «слова, на основе которых происходит актуализация того фрагмента знания, который необходим для осмысления последовательности слов, в контексте которых они находятся» [4, 44]. Ключевые слова представляют интерес и для таких областей лингвистики, как коммуникативная стилистика (И. В. Арнольд [5], Н. С. Болотнова [6] и др.) и филологический анализ текста (Л. Г. Бабенко [7], Ю. В. Казарин [8] и др.), в которых они являются инструментом понимания авторского мировосприятия, авторских интенций. Проблематика филологического анализа текста разрабатывается также И. П. Кудреватых [9], В. А. Масловой [10], О. И. Ревуцким [11] и др.

Проблемное поле ключевых слов разрабатывается и в лингвокультурологии (А. Вежбицкая [12], Ю. С. Степанов [13] и др.). Согласно этому подходу, слово является частью культуры, фиксирует отражение реального мира и несет в себе определенный культурный код. Для обозначения слов, являющихся своего рода «культурным фокусом», в современных исследованиях было выработано понятие «ключевых слов культуры». Ю. Н. Караулов считает, что ключевыми словами, «на которые опирается рефлексия читателя, служат такие множества слов, которые обладают свойством образовывать смысловое сгущение, своеобразное семантико-тематическое поле, но поле, релевантное только в данном тексте, объединенном темой и основной идеей произведения» [14, 158]. Множественность интерпретаций феномена «ключевое слово» порождает задачу создания интегральной модели его понимания.

Цель нашей работы – выработать параметры выделения ключевых слов в поэтическом тексте.

Материал и методы. Материалом исследования послужила поэзия М. И. Цветаевой и ее переводы на белорусский и английский языки, поэтические тексты К. Крапивы и их переводы на русский и английский языки, а также поэзия У. Б. Йейтса с переводами на русский и белорусский языки. Основными методами представленной работы являются сравнительно-сопоставительный и дескриптивный.

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевые слова, усиленные рифмой, благодаря своеобразному звуковому рефрену образуют семантический стержень произведения, выступают в качестве своеобразных скреп, придающих тексту связность, целостность и единство.

Какие же слова могут стать ключевыми в художественном тексте? Частотные слова, как правило, оказываются наиболее важными для понимания авторской идеи, и потому они, прежде всего, претендуют на роль ключевых слов. Однако частотность – признак количественный и говорит лишь о том, что данное слово повторяется чаще других. Это необходимое, но недостаточное условие, чтобы назвать слово ключевым. Для этого слово должно обладать еще и определенными качественными характеристиками – быть носителем целого пучка значений, которые автор варьирует из строфы в строфу, из текста в текст. Так, из нескольких тысяч слов, составляющих поэзию М. И. Цветаевой, ключевыми будут лишь 10–15: *любовь, огонь, поэт, стихи* и т. п.

Поскольку текст, по которому создается частотный словарь, завершен и самодостаточен, то самодостаточна и система слов, выделенных из данного текста, ибо именно в данных словах материализована авторская концепция бытия, мировидения. Существительные свидетельствуют о том, из каких предметов и явлений складывается авторский мир, прилагательные фиксируют качества и признаки, глаголы – действия и состояния и т. д. В качестве примера рассмотрим стихотворение М. И. Цветаевой «Откуда такая нежность?» и его переводы на белорусский и английский языки: / *Откуда такая нежность? / Не первые – эти кудри / Разглаживаю, и губы / Знала темней твоих. / Входили и гасли звезды, / Откуда такая нежность? — / Входили и гасли очи / У самых моих очей. / Еще не такие гимны / Я слушала ночью темной, / Венчаемая – о нежность! – / На самой груди певца. / Откуда такая нежность, / И что с нею делать, отрок / Лукавый, певец заходящий, / С ресницами – нет длинней?*

В данном стихотворении ключевыми словами являются **нежность, ночь, очи, певец**. Все эти существительные раскрывают авторский мир, указывая на то, что автор испытывает сильное чувство влюбленности. Стихотворение написано в 1916 году и посвящено О. Э. Мандельштаму. В ту пору в их отношениях присутствовало волнение, влюбленность, взаимное восхищение. Но строка «*Лукавый, певец заходящий*» говорит также и о непростоте отношений лирической героини и ее возлюбленного. Словарное значение ключевых слов «лукавый» – «1. Коварный, хитрый. 2. Игривый, исполненный добродушно-невинной хитрости» [15, 268] и «заходящий» – «Пришлый, зашедший откуда-н.» [15, 184]. Прилагательное **лукавый**, являясь одним из ключевых слов, указывает на такие качества любимого человека, как хитрость и лукавство. Но «лукавство» также означает «веселый задор, игривость», и, возможно, именно эти качества привлекают лирическую героиню в своём избраннике. Прилагательное **заходящий** предвосхищает недолговечность их отношений. Лирическая героиня всё видит и понимает (лукавство, игру героя, временность их отношений) и, тем не менее, принимает его таким, каков он есть, потому что он «певец». То есть в данной строке «*Лукавый, певец заходящий*» все три лексемы являются ключевыми.

Теперь рассмотрим перевод стихотворения М. И. Цветаевой «Откуда такая нежность?» на белорусский язык: / *Любасць адкуль жа такая? / Не першы раз лашчу скроні, / Вуснамі вусны чакаю, / І ад вясны ў палоне. / Святлелі і гаслі ночы. / (Любасць адкуль жа такая?), / Святлелі і гаслі вочы: / З імі сустрэч шукаю. / Песня слязу выракала. / Ноч на вуголі хадзіла. / (Любасць адкуль жа такая? –) / Голас твой разбудзіла. / Любасць адкуль жа такая? / І што з ёй рабіць, спявача, / Каб яна век не змаўкала – / З вейкамі твайго плачу?! (Валянціна Аколава)*

Рассмотрев перевод данного стихотворения на белорусский язык, мы видим, что переводчик внес некоторые изменения в оригинал стихотворения. Строка «*Лукавый, певец заходящий*» заменена «*Каб яна век не змаўкала*». Данная замена фактически устранила самый, может быть, важный смысл стихотворения. Лирическая героиня влюблена, но она и очень мудра. Она понимает недолговечность их отношений («заходящий»), некоторую игривость и лукавство со стороны любимого («лукавый»), при этом чувствует его возвышенную душу («певец»). И эта женская мудрость, готовность к завтрашнему расставанию и боли ради сегодняшней минуты счастья при переводе на белорусский язык исчезла. Отсутствие ключевого слова **лукавый** искажает смысл стихотворения и оставляет надежду на продолжение нежных отношений. Всё это доказывает, что на ключевые слова переводчику следует обращать внимание в первую очередь, поскольку именно они выражают ключевые смыслы любого стихотворения. Перевод призван выполнять свою важнейшую функцию – трансляцию текста в инокультуру. Однако часто он начинает жить самостоятельной, независимой от оригинала жизнью, становясь самоценным фактом культуры.

Обратимся к переводу данного стихотворения на английский язык: / *Where does such tenderness come from? / These curls that I stroke with my hand / Aren't the first that I've stroked, and I / Knew lips that were darker than yours. / Stars rose in the sky and faded, / Where does such tenderness come from? – / And glowing eyes also rose and faded / Right next to my own two eyes. / And I used to listen to greater hymns / In complete darkness, at night, / Betrothed – Oh, tenderness! – / On the chest of the singer himself. / Where does such tenderness come from, / And what do I do with it, you, sly, / Adolescent, vagabond singer, / Whose eyelashes couldn't be longer? (Andrey Kneller)*

Перевод данного стихотворения на английский язык более близок к оригиналу, чем белорусский вариант. Переводчик все ключевые лексемы: **tenderness, night, eyes, singer**. Переводчику хорошо удалось передать живость, способность увлекать и увлекаться, горячее сердце, жгучий темперамент – характерные черты лирической героини и самого автора.

Прилагательное *sly*, употребленное рядом с прилагательным *adolescent*, указывает на юношескую пылкость героя и вместе с тем его непостоянство. И действительно, О. Э. Мандельштаму было тогда 25 лет.

Необходимо учитывать и тот факт, что низкочастотные слова, по сравнению с высокочастотными, не всегда малозначимы. Так, М. И. Цветаева считается безглагольным автором, поэтому даже один глагол на две-три строфы у нее может стать ключевым словом и нести огромную смысловую и эмоциональную нагрузку. Например, в стихотворении «Моим стихам, написанным так рано...» ключевыми являются слова *мои стихи* и *настанет черед*. Словосочетание *мои стихи* встречается трижды. Позиция и повтор делают местоимение *мои* исключительно важным для смысла всего стихотворения. Отсюда делаем вывод, что речь идет не вообще о поэзии, а именно о судьбе её поэзии. Фразовый глагол *настанет черед* несет в стихотворении основную смысловую нагрузку, выражая мысль автора о том, что наступит время, когда ее стихи станут востребованы и будут пользоваться популярностью. И это будет закономерным признанием и оценкой ее творчества. В данном стихотворении оба ключевых словосочетания занимают сильную позицию: первое словосочетание *моим стихам* – в начале стихотворения и второе *настанет черед* – в конце стихотворения: / *Моим стихам, написанным так рано, / Что и не знала я, что я – поэт, / Сорвавшимся, как брызги из фонтана, / Как искры из ракет, / Ворвавшимся, как маленькие черти, / В святилище, где сон и филлиам, / Моим стихам о юности и смерти, / – Нечитанным стихам! – / Разбросанным в пыли по магазинам, / (Где их никто не брал и не берет!), / Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед.*

Одним из параметров выделения ключевых слов является их отнесенность к историческим событиям и культурным феноменам. В своих поэтических произведениях У. Б. Йейтс часто обращается к культурным образам ирландского фольклора (Фергус, Дану, друид и др.) и важным событиям в истории Ирландии и других стран. Одно из самых знаменитых стихотворений У. Б. Йейтса «Пасха 1916 года» посвящено Пасхальному восстанию. Остановимся на стихотворении У. Б. Йейтса «No Second Troy», где ключевым является слово *Troy*, которое относит нас к историческому событию, когда город Троя был захвачен и сожжен греками в результате Троянской войны. Причиной войны стало похищение спартанской царицы Елены Прекрасной троянским царевичем Парисом. В стихотворении У. Б. Йейтса «No Second Troy» знание о данном историческом событии и его причине помогает переводчику осуществить адекватный перевод: / *Why should I blame her that she filled my days / With misery, or that she would of late / Have taught to ignorant men most violent ways, / Or hurled the little streets upon the great. / Had they but courage equal to desire? / What could have made her peaceful with a mind / That nobleness made simple as a fire, / With beauty like a tightened bow, a kind / That is not natural in an age like this, / Being high and solitary and most stern? / Why, what could she have done, being what she is? / Was there another Troy for her to burn?* В данном стихотворении У. Б. Йейтс сравнивает Мод Гонн, которую он безответно любил, с Еленой Прекрасной. Мод Гонн была не только красавицей, но и горячей патриоткой, сжигаемой жадой борьбы за освобождение Ирландии. Если противоположности притягиваются, то понятно, почему поэт – мечтатель и визионер – влюбился в эту неутомимую деятельницу, претендовавшую на роль ирландской Жанны д'Арк. В ней была неистощимая жажда жизни и какая-то роковая тайна, эффектно контрастирующая с ее юным обликом и светскими манерами. Автор пытается смириться с мыслью о том, что она относится к нему скорее как к другу, нежели к возлюбленному. У. Б. Йейтс описывает Мод Гонн как лидера революционного движения, способного возглавить ирландскую революцию, однако считает, что её соратники не обладают достаточной храбростью и могут не оправдать её надежд.

Рассмотрим перевод данного стихотворения на русский язык: / *Я не клянущу ее, хотя она / Наполнила страданьем дни мои. / Да не она ль в незрелые умы / Бросала ненависти семена / И пригород толкала на погром? / Как умиротворить таких подруг – / С неукротимым, как пожар, умом / И с красотой, как напряженный лук, / Как дерзкая певучая стрела! / Чтоб ей, такой, быть счастливой вполне, / Какой она бы жребий предпочла? / Вторую Трою увидеть в огне?* (Борис Ривкин). В первых строчках перевода стихотворения показано, что автор прощает Мод Гонн, так как её поступки обусловлены её характером, и поэтому ему не за что её винить. Переводчику удалось точно передать революционный дух Мод Гонн и веру У. Б. Йейтса в то, что она может возглавить революционное освободительное движение Ирландии («пригород») против великой страны Великобритании. В переводе сохранены ключевые слова *пожар, красота*, которые указывают на сходство Мод Гонн с героиней исторических событий в Трое.

Важным параметром выделения ключевых слов является вынесенность их в название. Так, например, в поэтических текстах К. Крапивы «Сава, асёл ды сонца», «Дзед і баба», «Крапіва», «Дыпламаваны баран», «Дзіця, вожык і змяя», проанализированных нами, все вынесенные в названия слова являются ключевыми. Далее приведем пример из поэзии У. Б. Йейтса, где название стихотворения «*The Unappeasable host*» является ключевым словосочетанием, о чем свидетельствует употребление этого словосочетания в предпоследней строчке стихотворения: / *The Danaan children laugh, in cradles of wrought gold, / And clap their hands together, and half close their eyes, / For they will ride the North when the ger-eagle flies, / With heavy whitening wings, and a heart fallen cold: / I kiss my wailing child and press it to my breast, / And hear the narrow graves calling my child and me. / Desolate winds that cry over the wandering sea; / Desolate winds that hover in the flaming West; / Desolate winds that beat the doors of Heaven, and beat / The doors of Hell and blow there many a whimpering ghost; / O heart the winds have shaken, the unappeasable host / Is comelier than candles at Mother Mary's feet.*

В переводах данного стихотворения на русский и белорусский языки переводчики сохраняют эту тенденцию – повтор вынесенного в название ключевого словосочетания в конце стихотворения: / *Дети Дану смеются в резных золотых колыбелях / И, полуприкрыв ресницы, в ладони весело плещут. / Поскачут они на север, когда позовет их крик / На белых тяжелых крыльях, с душою оледенелой. / Дитя мое горько плачет, и я его обнимаю, / Целую и слышу голос подземный узкой могилы. / Пустынные ветры стонут над северным морем стылым, / Пустынные ветры бродят над западным алым краем, / Пустынные ветры свищут в воротах Небес, и свищут / В воротах Ада, и гонят души, как клочья дыма; / О сердце, сраженное ветром – ордою неукротимой, / Что слаще сиянья свечей в изножии Девы Пречистой!* (Анна Блейз).

На наш взгляд, мы выясним также, что для выделения ключевых слов важным является их функционирование в составе парадигматической группы (лексическая парадигма – это объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность). В значениях слов одной лексической парадигмы обнаруживаются не только общие семантические черты, но и дифференцирующие признаки. В парадигматике учитываются парадигматические отношения лексем с другими лексемами языка, а также рассматриваются свойства их противопоставленности друг другу (антонимия) или, напротив, их взаимосвязанности (синонимия и т. п.).

Например, в стихотворении М. И. Цветаевой «Писала я на аспидной доске...» ключевое слово *писать* повторяется в контекстуальном синонимичном варианте *расписываться*, что говорит о его функционировании в составе парадигматической группы и подтверждает тот факт, что слово *писать* является ключевым: / *Писала я на аспидной доске, / И на листочках вееров поблеклых, / И на речном, и на морском песке, / Коньками по льду, и кольцом на стеклах, – / И на стволах, которым сотни зим, / И, наконец, – чтоб всем было известно! – / Что ты любим! любим! любим! – / Расписывалась – радугой небесной. / Как я хотела, чтобы каждый цвёл / В веках со мной! под пальцами моими! / И как потом, склонивши лоб на стол, / Крест-накрест перечёркивала – имя... / Но ты, в руке продажного писца / Зажатое! ты, что мне сердце жалишь! / Непроданное мной! внутри кольца! / Ты – уцелеешь на скрижалях.*

В переводе данного стихотворения на английский язык переводчик выделяет ключевое слово *write*, используя метод повтора (ключевое слово употреблено 4 раза) и заменяет глагол *write* глаголом *sign*, который является синонимичным и, соответственно, также входит в парадигматическую группу, хотя, в отличие от оригинального варианта, не является однокоренным: / *I wrote it on a blackboard, / On faded pages of old paper fans, / On window glasses I wrote it by my ring, / On sand shores of the sea I wrote, / On the ice of river I wrote wearing skates, / That you've been loved, loved, loved! / I've signed by rainbow in the sky. / How I wanted that one has flourished through centuries, / With me! You, who tear my heart! / Who wasn't sold! Inside the ring! / You'll survive on the wheels of history!* (Andrey Kneller).

В некоторых стихотворениях легче выделить ключевые слова, чем в других, так как они соответствуют сразу нескольким параметрам. Так, например, в стихотворении К. Крапивы «Крапіва» ключевое слово *крапіва* вынесено в название, употреблено в тексте 2 раза и занимает сильную позицию в конце стихотворения: / *Я ў мастацкім агародзе / Толькі марная трава. / А якая? Смех, дыш годзе: / Я – пякучка-крапіва. / Я расту вось тут пад плотам / І не так даўно ўзышла, / А ўжо многім абармотам / Рукі-ногі папаякла. / Хто палез за агуркамі, / Хай той носіць пухіры – / Мяне голымі рукамі / Асяярожна, брат, бяры. / Хто сустраўся быў са мною, / Дакрануўся раз ці два, / Дык той ведае ўжо, хто я: / Я – пякучка-крапіва.*

В переводах на русский и английский языки ключевое слово также вынесено в название, занимает сильную позицию и 2 раза повторено в стихотворении. Таким образом, чем большему количеству параметров соответствует ключевое слово, тем легче переводчику его опознать и осуществить правильный перевод. Наши наблюдения показали, что ключевые слова формируют содержание текста, следовательно, их следует трактовать как важные слова какого-то законченного сообщения, текста, а не культуры, хотя сами по себе они несут культурный компонент.

Выводы

Выделение ключевых слов в поэтическом тексте определяется их функциями в тексте. Основными параметрами для их выделения являются повторяемость, частота употребления; вынесенность в название, нахождение в сильной позиции; символичность, идейно-эстетическая и композиционная нагрузка; отнесенность к историческим событиям и культурным феноменам; функционирование в составе парадигматической группы.

Каждый отдельный автор и каждое отдельное произведение репрезентируют собственную картину мира, которая строится на определённых ключевых словах. Игнорирование этого уровня смысла ведет к разрушению единства поэтического мира автора и искажает его восприятие иностранным читателем. Задача переводчика, таким образом, состоит в том, чтобы правильно выделить ключевые слова в оригинале и суметь донести их смысл до читателей в переводе, сохранив, с одной стороны, национальный колорит оригинала, а с другой, сделав восприятие перевода доступным для носителей совершенно иной национальной культуры.

Литература

1. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Журналистика» / Т. М. Дридзе ; под ред. и с предисл. А. А. Леонтьева ; вступ. ст. Е. М. Акимкина. – Изд. 2-е, доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
2. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 180 с.
3. Штерн, А. С. Введение в психологию : учеб.-метод. пособие / А. С. Штерн. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т, 2006 (Великие Луки: Великолукская городская тип.). – 309 с.
4. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
5. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд ; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – Изд. 2-е. – М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2010 – 443 с.
6. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению 050300 Филол. образование / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 381 с.
7. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 6-е изд. – М. : Флинта, 2009. – 495 с.
8. Казарин, Ю. В. Филологический анализ поэтического текста : учеб. для вузов / Ю. В. Казарин. – М. : Академ. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2004 (Екатеринбург : ГИПП Урал. Рабочий). – 429 с.
9. Кудреватых, И. П. Синтаксические способы выражения дистантности блоков информации в русском художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. П. Кудреватых ; Мин. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Минск, 1989. – 18 с.
10. Маслова, В. А. Филологический анализ поэтического текста / В. А. Маслова. – Минск : Беларус. респ. фонд фундам. исслед., 1999. – 206 с.
11. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
12. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] / Анна Вежицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Рус. слов., 1996. – 411 с.
13. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания : учеб. пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е. – М. : URSS, 2010. – 270 с.
14. Караулов, Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю. Н. Караулов ; Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1992. – 167 с.
15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под. ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.

Summary

The article is devoted to the problem of the role of key words in the structure of a poetic text. It is stated that the research of key words is important for the understanding of a text as well as for the adequate translation of poetry. The parameters of choosing key words in a poetic text are defined.

Поступила в редакцию 28.09.11.

УДК 811.161

В. С. Сидорец

**К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ****(на материале украинского глагола *справляти*
и его соответствий в русском и белорусском языках)**

*Исследуются семантическая структура, речевые функции украинского глагола **справляти** и его соответствий в русском и белорусском языках.*

Введение

Украинский глагол *справляти*, как свидетельствуют словарная статья [1, 591–593] и материалы нашей картотеки, отличается специфической семантической структурой и функциональной направленностью: он основательно специализировался как деривант вербоидов – неоднословных наименований акционально-статального признака (*справляти враження, справляти новосілля, справляти радість*), выступает в качестве главного компонента словосочетаний (*справляти віз, справляти одержу*), является компонентом фразеологизмов (*брехні справляти, справляти мандри*).

Термин *деривант* используется для обозначения десемантизированного компонента вербоидов. *Вербоид* – неоднословная номинация акционально-статального признака типа *вести агитацию, испытывать радость* (*вести агітацію, відчувати радість; весці агітацію, адчувати радасць*) и др. Совокупность вербоидов с одним и тем же деривантом и одинаковым деривационным значением представляет собой один деривационный тип или, в нашей терминологии, одну типовую деривационную группу [2, 167]: *вести агитацию* (*борьбу, диалог, монтаж, операцию, разговор, сев и др.*), *предпринимать атаку* (*бомбёжку, действие, демарш, инициативу, исследование, операции и др.*).

Как деривант, своеобразный формант в сфере вербоидов, он намного чаще употребляется с предикатными существительными в составе вербоидов, чем русский и белорусский дериванты: *справляти враження* – *производить впечатление, рабиць уражанне*; *справляти новосілля* – *справлять новоселье, спраўляць наваселье*; *справляти радість* – *доставлять радость, давати радасць*.

Результаты исследования и их обсуждение

Обратим внимание на пункты первый, второй и третий словарной статьи, где *справляти* выступает преимущественно в роли дериванта в сфере вербоидов: *справляти святá, справляти новосілля, справляти іменини, справляти обжінки, справляти бенкети, справляти грища, справляти поминки, справляти радість, справляти журбу, справляти втіху, справляти біль і муку, справляти дію, справляти вплив, справляти враження, справляти роботу, справляти сторожу, справляти службу*.

В первом пункте со значением «здійснювати певні заходи з приводу свята, події і т. ін.; відзначати» [1, 591] украинский деривант имеет точки соприкосновения с русским деривантом *справлять*: *справлять новоселье, справлять свадьбу, справлять именины, справлять (отмечать, праздновать, устраивать) дожинки, справлять поминки*. Однако у русского дериванта нет контактов с именными компонентами *праздники, празднества (святá), банкет (бенкет), игрища (грища)*, которые образуют вербоиды с другими деривантами: *отмечать праздники, устраивать (проводить) празднества, устраивать (организовывать) банкет, устраивать игрища*. Приведём текстовые фрагменты: «Чи міг Вася байдуже писати про бійця, який пробивався з ним Трансільванськими лісами... **справляв** Жовтневі **святá** під мокрими скиртами в угорських хуторах?» [1, 591] – «Мог ли Вася равнодушно писать про бойца, который пробивался с ним Трансильванскими лесами... **отмечал** Октябрьские **праздники** под мокрыми скирдами в венгерских хуторах?»; «Князь **справляв** бучні **бенкети**. Приїжджала сила гостей» [1, 591] –

«Князь **устраивал** бурные банкеты. Приезжало множество гостей»; «Ті, що не містились у хаті, розклали на подвір'ї вогонь і **справляли** коло нього веселі **грища**» [1, 592] – «Не вмещающиеся в избе развели во дворе огонь и **устраивали** возле него весёлые **игрища**».

Объяснение больших дистрибутивных возможностей украинского дериванта *справляти* и меньших – русского *справлять* кроется, на наш взгляд, в том, что украинский деривант ослабил «налёт» разговорности и усилил свою специализацию в литературном языке как функциональный формант вербоидов, а русский деривант отличается некоторой долей разговорности и, естественно, меньшей специализацией.

В белорусском языке деривант *спраўляць* употребляется в основном в тех пределах, которые свойственны русскому языку, поскольку он также не развил деривационной специализации, как в украинском: *спраўляць* вечарынку, *спраўляць* вяселле, *спраўляць* дажынкi, *спраўляць* навацелле, *спраўляць* радзіны, *спраўляць* хрэсьбіны [3, 273]. В приведённых выше украинско-русских текстовых фрагментах естественны белорусские дериванты *адзначаць*, *ладзіць*: «Ці мог Вася раўнадушна пісаць пра байца, які прабіваўся з ім Трансільванскімі лясамі... **адзначаў** Кастрычніцкія **святы** пад мокрымі тарпамі ў венгерскіх хутарах?»; «Князь **ладзіў** бурныя **банкеты**. Прывязджала мноства гасцей»; «Тыя, што не ўмяшчаліся ў хаце, расклалі на двары агонь і **ладзілі** ля яго вясёлыя **ігрышчы**».

Во втором пункте вербоидные значения «викликати якесь почуття, враження і т. ін.», «спричиняти що-небудь, бути причиною чогось», «робити, здійснювати щось відносно кого-, чого-небудь», реализуемые с участием дериванта *справляти*, передаются в русском и белорусском языках вербоидами с другими деривантами или глаголом, если необходимый вербоид отсутствует: «Я люблю свою кімнату... Але найбільшу **радість** **справляє** мені вікно. Цілий день в нього дивиться море» [1, 592] – «Я люблю свою комнату... Но самую большую **радость** **доставляет** мне окно. Целый день в него смотрит море», «Я люблю свой пакой... Але найбільшу **радасць** **дає** мне акно. Цэлы дзень у яго глядзіць мора»; «Мені **справляє** Олена **журбу**: я боюся за її будучину» [1, 592] – «На меня **наводит** Елена **грусть**: я боюсь за её будущее», «На мене **наводзіць** Алёна **смуток**: я баюся за яе будучыню»; «Помилівся Тарас, думаючи, що ніхто вже не прийде попроситися з ним: уже хлопчики радника **справили** йому велику **втіху** своєю присутністю» [1, 592] – «Ошибся Тарас, полагая, что никто уж не придёт попроситься с ним: уже мальчики советника весьма **утешили** его своим присутствием», «Памыліўся Тарас, думаючи, што ніхто ўжо не прыйдзе развітацца з ім: ужо хлопчыкі саветніка вельмі **суцешылі** яго сваёй прысутнасцю»; «Нащо нам розворушувати те, що не зовсім ще загоїлося, що при найменшій доторканню **справляє** страшенний **біль і муку**» [1, 592] – «Зачем нам ворошить то, что не совсем ещё зажило, что при наименьшем прикосновении **причиняет** самую страшную **боль и муки**», «Наошита нам варушыць тое, што не зусім яшчэ загаілася, што пры найменшым дакрананні **прычыняе** страшэнны **боль і пакуты**»; «Спеціально виготовлені прополісні мазі **справляють** болезаспокійливу **дію**» [1, 592] – «Специально приготовленные прополисные мази **оказывают** болеутоляющее **действие**», «Спецыяльна падрыхтаваныя прополісныя мазі **аказваюць** болесуціццальнае ўздзеянне»; «Шампунь цієї фірми зміцнює волосся, **справляє** ефективну **терапевтичну дію**» [Радиопередача 23.03.07 г.] – «Шампунь этой фирмы укрепляет волосы, **оказывает** эффективное **терапевтическое действие**», «Шампунь гэтай фірмы ўзмацняе валасы, **аказвае** эфектыўнае тэрапеўтычнае ўздзеянне»; «США не **справляли** ніякого **тиску** на Ізраїль» [Радиопередача 22.07.91 г.] – «США не **оказывали** никакого **давления** на Израиль», «ЗША не **аказвалі** ніякага **ціску** на Ізраїль».

К числу вербоидов мы относим сочетания *справляти вплив*, *справляти враження*, которые в «Словнику української мови» включаются в состав фразеологизмов [1, 592]: «Саврасов **справив** великий **вплив** на розвиток усього вітчизняного реалістичного мистецтва...» [Київська правда, 06.06.80, с. 1] – «Саврасов **оказал** большое **влияние** на развитие всего отечественного реалистического искусства...», «Саўрасаў **аказав** вялікі **ўплыў** на развіццё ўсяго айчыннага рэалістычнага мастацтва...»; «Не слід забувати й про те, що такі громадяни **справляють** негативний **вплив** на інших людей, передусім на власних дітей» [Радянська Україна, 07.02.82, с. 2] – «Не следует забывать и о том, что такие граждане **оказывают** отрицательное **влияние** на других людей, прежде всего на собственных детей», «Не трэба забываць і аб тым, што такія грамадзяне

аказваюць адмоўны ўплыў на іншых людзей, перш за ўсё на ўласных дзяцей»; «Роман І. Гайдая справляе неоднозначне враження» [Літературна Україна, 15.04.80, с. 2] – «Роман І. Гайдая производит неоднозначное впечатление», «Раман І. Гайдая робіць неадназначнае ўражанне»; «Я пам'ятаю те перше враження, яке справила на нас, членів літературного об'єднання на Буковині, невелика за обсягом, але яскрава поема молодого автора «Африка-Жирафика» [Літературна Україна, 05.08.80, с. 3] – «Я помню то первое впечатление, которое произвела на нас, членов литературного объединения на Буковине, небольшая по объёму, но яркая поэма молодого автора «Африка-Жирафика», «Я памятаю тоє першає ўражанне, якое зрабіла на нас, членаў літаратурнага аб'яднання на Букавіне, невялікая па аб'ёму, але яркая паэма маладога аўтара «Афрыка-Жырафіка».

В третьем пункте представлены вербоиды со значением «виконувати, здійснювати що-небудь»: «Дві роботи ти вже справив, на весь світ себе уславив» [1, 592] – «Две работы ты уже сделал (выполнил), на весь мир себя прославил», «Дзве роботи ты ўжо зрабіў (выканаў), на ўвесь свет сябе ўславіў»; «Посередині табору розташувався загін Яна Жоравського, який справляв денну сторожу» [1, 592] – «Посреди табора расположился отряд Яна Жоравского, который нёс дневной караул», «Пасярод табару размясціўся атрад Яна Жараўскага, які нёс дзённую варту»; «Увага подвоюється, зіниці ширшають, побільшуюче скло справляе свою службу» [1, 592] – «Внимание удваивается, зрачки расширяются, увеличительное стекло несёт свою службу», «Увага падвойваецца, зрэнькі расшыраюцца, павелічальнае шкло нясе сваю службу».

Как видим, украинский деривант *справляти*, в отличие от русского *справлять* и белорусского *спраўляць*, вступает в деривационно-семантические контакты с весьма широким кругом предикатных существительных, образуя большую типовую деривационную вербоидную группу, имеет тенденцию к дальнейшей специализации в качестве функционального форманта вербоидов. Однако вряд ли он станет стопроцентным носителем кварка акциональности [4, 28] по образцу русского дериванта *оказывать* [5, 99–102], поскольку этому препятствуют те контекстные ситуации, где звуковой комплекс *справляти* выступает либо как полнозначный глагол (*справляти капицю, справляти правопис, справляти одягу*), либо как компонент фразеологизма (*випірки справляти, посиденьки справляти, справляти балачку*).

В качестве главного компонента словосочетаний – полнозначного глагола – он имеет больше точек соприкосновения с соответствующими русскими и белорусскими глаголами: «Мені старий Панько і капицю справляв, бо геть-чисто побилася» [1, 592], «– Ну, – сказал я Ермолаю, – поди достань пакли и справь нам лодку да поскорей» [6, 231], «Пакіньце мяне з машынай. Я спраўлю непаладкі і даганю вас» [3, 274]; «Мав (Кузьма) що випити, мав чим закусити, мав гроші і навіть уже перші чоботи справив» [1, 593], «Ему справили ладный бушлатик, подогнали бескозырку и дали трофейный кинжал» [6, 231], «Меўся Банькоўчык справіць сабе на зіму новыя боты» [3, 274].

Широко представлен украинский глагол *справляти* во фразеологической сфере [1, 592]: *брехні справляти, випірки справляти, заручини справляти, липу справляти, посиденьки справляти, походеньки справляти, сім неділь (вихідних) на тиждень справляти, смішки (сміхи, реготи і т. ін.) справляти, справляти балачку, справляти дрижаки (дрижака), справляти мандри, справляти мовчанку, справляти нужду, справляти галас (гомін), справляти обід, справляти панахиду, справляти приємність, справляти теревені, справляти свої діла, справляти на добру дорогу (на вірний шлях).*

Как уже отмечалось, в состав фразеологизмов украинские лексикографы включили вербоиды *справляти вплив, справляти враження*, а также и вербоид *справляти службу* (*оказывать влияние, производить впечатление, нести службу; аказваць уплыў, робіць уражанне, несіть службу*). С нашей точки зрения, фразеологические свойства компонента *справляти* принципиально отличаются от деривационных свойств компонента *справляти*, функционального форманта в сфере вербоидов – дериванта. По своему назначению это единицы, принадлежащие разным сферам: сфере семантической категории, отражающей эмоционально-психическое состояние человека, и сфере семантической категории процессуальности. Сочетания с компонентом *справляти*, заключающие в себе эмоционально-экспрессивные, образные качества, не подверженные

трансформациям, синхронно не моделируемые, представляют собой фразеологизмы, а сочетания моделируемые, необразные, в которых компонент *справляти* является строевым элементом – функциональным формантом, которые могут быть подвержены различным трансформациям, – это вербоиды, неоднословные наименования акционально-статального признака, коммуникативные эквиваленты глаголов [7].

Обратимся к текстовым фрагментам: «Годі тобі **брехні справлять**. Вставай та в печі розтоплюй» [8, 233], «Хватит тебе **чесать языком**. Вставай да печку растапливай», «Годзе табе **малоць языком**. Уставай ды печ распальвай»; «Мати розмовляє з Одаркою, а вона (Христя) сидить – **мовчанку справляє**» [9, 771], «Мать разговаривает с Одаркой, а она (Христя) сидит – **играет в молчанку**», «Маці размаўляе з Адаркай, а яна (Хрысця) сядзіць – **гуляе ў маўчанку**»; «Змагання **справляє** глыбокий **вплив** на гаспадарську практыку, на грамадсько-політичне жытця краіны, на моральну атмасферу», [Соціалізм і праця. – Київ, 1976. – С. 15], «Соревнование **оказывает** глубокое **влияние** на хозяйственную практику, на общественно-политическую жизнь страны, на моральную атмосферу», «Спаборніцтва **аказвае** глыбокі **ўплыў** на гаспадарскую практыку, на грамадска-палітычнае жыццё краіны, на маральную атмасферу»; «Особливе **враження справляють** також твори декоративно-прикладного мистецтва, які відзначаються вдалим оздобленням, з елементами спортивної тематики» [Літературна Україна, 01.08.80, с. 1], «Особое **впечатление производят** также произведения декоративно-прикладного искусства, которые отличаются удачным украшением, с элементами спортивной тематики», «Асаблівае **ўражанне робяць** таксама творы дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, якія адзначаюцца ўдалым аздабленнем, з элементамі спартыўнай тэматыкі».

Сочетания *брехні справляти*, *чесать языком*, *малоць языком*, *мовчанку справляти*, *играти в молчанку*, *гуляць у маўчанку* – фразеологизмы, поскольку характеризуются эмоционально-экспрессивной, образной семантикой, отсутствием моделирования на данном синхронном срезе, т. е. невоспроизводимостью, не подвергаются трансформациям. Их назначение – реализовать эмоционально-экспрессивное, образное отношение к изображаемым фактам. Сочетания *справляти вплив*, *оказывать влияние*, *аказваць уплыў*, *справляти враження*, *производить впечатление*, *рабіць уражанне* – коммуникативные эквиваленты глагола, вербоиды, которые отличаются от глаголов *впливати*, *влиять*, *уплываць*, *вражати*, *впечатлять*, *уражаць (уражваць)* не образностью, а большей значимостью способа действия, выражаемой деривантами *справляти*, *оказывать*, *аказваць*, *производить*, *рабіць*. Вербоиды, как и фразеологизмы, устойчивы, но их устойчивость не идиоматическая, а деривационная, родственная устойчивости производного слова (*враж-а-ти* – *справляти* *враження*, *впечатл-я-ть* – *производить* *впечатление*, *ураж-а-ць* – *рабіць* *уражанне*), следовательно, они моделируемы. В отличие от фразеологизмов, вербоиды динамичны по структуре, трансформируемы: *справивши враження*, *произведя впечатление*, *зробіўшы ўражанне*; *справлятиму враження*, *буду производить впечатление*, *буду рабіць уражанне*; *враження, яке він справив на мене*; *впечатление, которое он на меня произвёл*; *уражанне, какое ён на мяне зробіў* и т. д.

Наиболее употребительным в функции компонента фразеологических единиц является украинский глагол *справляти*, значительно слабее его в этом отношении белорусский *спраўляць*, а русский глагол *справлять* представлен единичными фактами: *спраўляць гонар*, *спраўляць крыўду*, *спраўляць піск*, *спраўляць плач*, *спраўляць рогат*; *справлять дела*, *справлять работу*. Рельефнее их фразеологический характер проступает в тексте: «Як малёнькая, не раўнуючы: усе соль цягнуць, а яна **гонар спраўляе**» [Полымя, 1980, № 10, с. 80], «Каб Ніне вельмі хацелася заходзіць у гэту хату, то не сказаць, але ж і **крыўду спраўляць** да гэтай пары не выказала» [Полымя, 1980, № 10, с. 43], «З радасці ён **справіў** такі **піск**, што Ніна спачатку падумала была, што яго гадзіна ўкусіла, і хутчэй кінулася ратаваць» [Полымя, 1980, № 10, с. 19], «Прыбегла хлапчатка маму ратаваць. Не пускалі, то **плач справіў**» [Полымя, 1980, № 10, с. 12], «Каля стала **справілі рогат**. Мусіць, нешта смешнае сказаў Антось Драніцкі» [3, 274]; «Колхозники спешили домой умыться, переодеться, **справить** свои домашние дела» [6, 231], «Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, **справить** кузнецкую, слесарную работу» [6, 231].

Если белорусские сочетания имеют большинство признаков фразеологизмов, то русские находятся на границе между фразеологизмами и вербоидами: они необразны,

подвергаются определённым трансформациям, если подобрать к ним соответствующие неразговорные синонимы. Так, сочетания *справить дела*, *справить работу* синонимичны сочетаниям *сделать (завершить) дела*, *сделать (завершить) работу*, которые могут иметь трансформации *сделав (завершив) дела*, *сделав (завершив) работу*, *сделаю (завершу) дела*, *сделаю (завершу) работу*. Возможны трансформации типа *дела, которые он сделал (завершил)*; *работа, которую он сделал (завершил)*. Такие трансформации практически невозможны в сочетаниях с компонентом *справлять*, поскольку сказывается разговорно-фразеологизирующий характер этих сочетаний.

Выводы

Итак, украинский глагол *справляти*, имея точки соприкосновения с русским и белорусским глаголами *справлять* и *спраўляць* по семантической структуре, основательно отличается от них идиоматической ёмкостью и функциональной направленностью составляющих – фразеологической и особенно деривантной, реализующей строевые возможности отмеченных восточнославянских глаголов в качестве функциональных формантов вербоидов.

Литература

1. Словник української мови : в 11 т. / редкол.: И. К. Белодед (предс.) [и др.]. – Київ : Наукова думка, 1978. – Т. 9. – 917 с.
2. Сидорец, В. Украинский деривант *вдаватися до* и его русские и белорусские соответствия / В. Сидорец // *Kalba ir tarpkultūrinė komunikacija // Konferencijos medžioga. 2 dalis.* / Redakcinė kolegija: L. Plygavka (vyr. redaktorė), V. D. Staričionak, G. Kundrotas, T. Baluš. – Vilnius : Vilniaus pedagoginis universitetas, 2009. – S. 167–170.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. СЭ, 1982. – Т. 5, кн. 1. – 663 с.
4. Апресян, Ю. Д. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) / Ю. Д. Апресян // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура.* – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 13–33.
5. Сидорец, В. С. К истории дериванта *оказывать* в русском языке / В. С. Сидорец // *Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.].* – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. I. – С. 99–102.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – М. : Русский язык, 1984. – Т. 4. – 794 с.
7. Сідарэц, В. С. Праблемы размежавання вербоіда і фразеалагізма / В. С. Сідарэц // *Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – Мінск, 1996. – № 3. – С. 115–119.
8. Словник української мови : в 11 т. / редкол.: И. К. Белодед (предс.) [и др.]. – Київ : Наукова думка, 1970. – Т. 1. – 800 с.
9. Словник української мови : в 11 т. / редкол.: И. К. Белодед (предс.) [и др.]. – Київ : Наукова думка, 1972. – Т. 4. – 840 с.

Summary

The semantic structure, speech functions of the Ukrainian verb *справляти* and its equivalents in Russian and Belorussian languages are investigated.

Поступила в редакцию 31.05.11.

Н. В. Шульга

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ПОДТИПОВ РИФМОВАННЫХ РЕДУПЛИКАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

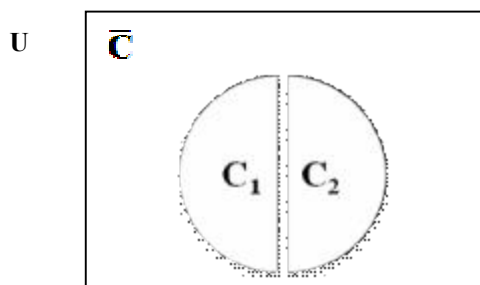
На материале белорусского, русского и английского языков дается детальная функционально-стилистическая, семантическая и этимологическая характеристика четырех подтипов рифмованных редупликативных образований, на основе которой делаются заключения касательно их межъязыковой корреляции.

Введение

Редупликация (от позднелат. *reduplicatio* ‘удвоение’) является одним из способов слово- и формообразования путем полного или частичного повторения корня, основы или всего слова. В рассматриваемых языках выделяются 3 основных типа редупликативных образований (далее – РО): 1) с фонетически идентичными компонентами (бел. *цаца-цаца*, рус. *гули-гули*, англ. *buddy-buddy*), 2) с компонентами, различающимися коренной гласной (бел. *піф-паф*, рус. *тики-таки*, англ. *wiffle-waffle*) и 3) с рифмующимися компонентами, различающимися анлаутами (бел. *воленс-ноленс*¹, рус. *мульти-пульты*, англ. *patby-patby*) (подробнее о фономорфологической структуре РО белорусского, русского и английского языков см. [1]).

Рифмованные РО типа бел. *хапу-лапу*, рус. *тити-мити*, англ. *fuzzy-wuzzy* не раз становились объектом исследования зарубежных и отечественных лингвистов, получая следующие наименования – «повтор-отзвучие» [2, 48], [3, 87–88], [4, 87], «эхо-прием» [5, 644], «эхо-конструкция» и «прием рифмованного эха» [6, 193–194], «фокус-покус прием» [7, 168–169], «гендиадис» [8, 48], [9, 46].

Проводя двухфокусную дифференциацию внутри множества рифмованных РО, можно обнаружить ярко выраженные непересекающиеся подмножества двух видов: 1) рифмованные РО, состоящие из двух псевдоморфемных основ (бел. *халі-галі*, рус. *пети-мети*, англ. *huddy-wuddy*) и 2) рифмованные РО, состоящие из знаменательной основы (которая чаще всего выражена существительным, реже – прилагательным) и псевдоморфемы² (бел. *дзеўкі-меўкі*, рус. *маслице-фуяслице*, англ. *fund-schmund*). На диаграмме Эйлера-Венна это изображается следующим образом (рисунок):

U – универсальное множество лексических единиц белорусского, русского и английского языков;

$\bar{C}$ – множество рифмованных РО,

C_1 и C_2 – непересекающиеся подмножества рифмованных РО, объединение которых равно $\bar{C}$

Рисунок – Подмножество рифмованных редупликативных образований

¹ То же, что бел. *воляй-няволяй*. От лат. *volens* ‘желающий’ и ‘*nolens*’ нежелающий.

² Иногда имеет место случай так называемой «левой редупликации» [10, 103–104], когда псевдоморфема предшествует знаменательной основе (напр., рус. *шманцы-танцы*).

Внутри выделенного подмножества C_2 регулярными являются образования, псевдоморфемные основы которых начинаются с анлаутов [м], [шм], [фу] и [ху]³. Данные подтипы мы соответственно назвали м-редупликации⁴ (бел. *танцы-манцы*, рус. *золотишко-молотишко*, англ. –), шм-редупликации⁵ (бел. *кiві-шмiві*, рус. *фонды-шмонды*, англ. *table-schmable*), фу-редупликации (бел. –, рус. *маслице-фуяслице*, англ. –) и ху-редупликации (термин наш) (бел. –, рус. *пьянки-**янки*, англ. –). Именно эти четыре подтипа рифмованных РО и будут объектом исследования в данной статье.

Результаты исследования и их обсуждение

Какими же специфическими чертами обладают четыре выделенных подтипа рифмованных РО помимо своеобразной структуры, в которой первый компонент несет словесную нагрузку, а второй – является его «искаженным двойником» [7, 168], «лексической пустышкой» [11, 38], «отзвуком, словом-эхом» [2, 51], «своеобразным прицепом к слову» [12, 479], «тенью» первого компонента [13, 7]?

Обобщив суждения и рекомендации лингвистов, занимавшихся проблемой исследования, мы считаем, что своеобразие выделенных нами подтипов рифмованных РО проявляется в следующем:

1) М-, шм-, фу- и ху-редупликации чаще всего рассматриваются в рамках подсистемы окказионального словообразования [8], [12], как лингвистический эксперимент [7, 168], возможность реализации творческой компетенции говорящего [3, 180] или проявление языковой игры [14, 221]. Следовательно, не удивителен тот факт, что при их достаточно распространенном употреблении в устной речи они не закрепляются словарями (правда, из этого правила есть редкие исключения)⁶.

2) М-, шм-, фу- и ху-редупликаторы не служат для передачи нового содержания, а используются для усиления коннотации редупликанта [17, 154], выражения экспрессии [7, 169] или просто для «украшения» речи [2, 48]. При этом, отличаясь большой выразительностью, рассматриваемые явления имеют различную эмоционально-экспрессивную окраску.

Межязыковой анализ выделенных подмножеств рифмованных РО показал, что шм-редупликатор является своеобразной универсалией в трех рассматриваемых языках и в зависимости от контекста придает лексической единице, к которой прибавляется, элемент равнодушия, безразличия, пренебрежительности, снисходительности, иронии или насмешки. Например:

Анкеты-шманкеты!.. Што ты мяне агіціруеш!.. (Я. Брыль. Птушкі і гнёзды).

– Что подразумевается под вдумчивым десертом? – полюбопытствовала Оксана.
/ – Прежде всего, конечно, «Арманьяк», – сообщил Игорь. – Плюс сигары – кто любит, конечно. Ну и можно десерт – *тирамису-шмирамису, тортики-шмортики* (А. Экслер. Американская ария князя Игоря).

“Let’s you and I not push poor Mike any further this week... / “Mike-schmike.” I muttered, preoccupied by the way he’d said “you and I.” (S. Meyer. Twilight).

При м-редупликации, встречающейся в русской и белорусской речи, элемент насмешки или издевательства по сравнению со шм-редупликацией ослаблен. Возможен шутливо-игровой характер [5, 644]⁷, значение «множественного числа уничижительного» [11, 39]. Например:

³ Выделенные типы являются самыми распространенными и регулярными, но это ни в коем случае не означает, что редупликатор в рассматриваемом типе РО не может начинаться с иного, нежели выделенного анлаута, ср. бел. *мушкі-смушкі*, рус. *история-кистория*, англ. *facey-wasey*. Разнообразные примеры на материале русского языка представлены в [10].

⁴ Классическим примером м-редупликации является отрывок из поэмы В. Хлебникова «Уструг Разина»: *И уроком поздних лет / Прогрел его обед: / «К богу-могу эту куклу! / Девы-мевы, руки-муки, / Косы-мосы, очи-мочи! / Голубая Волга – на! / Ты боярами обогана!»*.

⁵ Одним из самых показательных примеров шм-редупликации в английском языке являются слова из песни, записанной в 1954 году звездой кабаре Эртой Китт (Eartha Kitt) – «Mink, Schmink», в основном мотиве которой используется 12 шм-редупликативов, таких как *mink-schmink, money-schmoney, silk-schmilk, ring-schming, jewellery-schmellery, cars-schmars* и др.

⁶ В [15] зарегистрировано РО – *жигули-шмыгули*. В [16, 646] содержится 21 слово английского языка, образованное при помощи шм-редупликации.

⁷ В белорусском и русском языках при наличии у редупликанта уменьшительно-ласкательного суффикса, отрицательная оценка нивелируется: ср. бел. *мопс-шмопс* и *мопсік-шмопсік*, рус. *салат-малат* и *салатик-малатик*.

Сеньня ў нас па праграме **танцы-манцы** пад Алу Пугачову, пад яе апошні дыск «Как тревожен этот путь» – ён мне вельмі падабаецца (А. Сус. Выбраныя лісты з перапіскі Анатоля Суса з сябрамі).

– А што за тую ты прынёс? / – А!... Так это ж... – он сбросил на пол узел и торопливо подтикнул его Кате. – Вещи твои... Катя... Шуба, платья, там, **кофты-мофты** всякие... (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Фу- и ху-редупликатеры⁸ характэрны ісклучіцельна для некодыфіцыраванай усной рэчы рускага мовы, дзе яны выступаюць у складзе сніжаючых і абсценных канструкцый, іспользуемых для характэрыстыкі ліца ці збывацця с пэйоратывнай ацэнкай. Напрыклад:

– Ладно! – сказаў мужчына, абрываючы спор. – «**Жексон-Фуксон!**» Пошли! (Г. Горин. Іронічныя мемуары).

Если сани подбрасывало на ухабах, второй мальчишка глухо бормотал: / – Вот тебе и пьянки-ьянки... (С. Довлатов. Наши).

3)М-, шм-, фу- і ху-редупликатеры прысоедіняюцца да слова ў выглядзе прыложэння ці сочиненнага члена. Сцасуецца 4 спосабы іх фарміравання, супадаючыя ў трох разглядаемых мовах:

- праз дэфіс (наіболей кодэфіцыраваны варыянт): – *Толькі мільён і заводзік мой. З усім абсталяваннем, з рэпутацыяй, **брэндам-шмэндам*** (М. Клімковіч, У. Сцяпан. Цень Анёла);

- праз запяту: «...*It's bad enough they pay you what I'm ashamed to tell my friends, but at least on time they could be!*» / «**Time, shmime,**» said Pappa, irritably. «Look, don't make me silly talk at breakfast, it should choke me each bite in the throat»... (I. Asimov. Second Foundation).

- рэдуплікант і рэдуплікатар раздзелены толькі пробелам: **Sibling Schmibling! You need Baby Makes Four**⁹.

- рэдуплікант і рэдуплікатар раздзелены служэбнай часткай рэчы – паўтараючымся прадлогам ці злучкам (так называемая «разорванная рэдуплікатывная форма» [10, 107]): *Брыгадзір ходзіць, абсмактывае, колькі выложылі. Доволён. / – Хорошо положили, а? За полдня. Без **подъёмника**, без **фуёмника*** (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича)¹⁰.

Экскурс у этымалогію. Откуда произошла м-редупликация? Отечественные лингвисты, считают, что «прием рифмованного эха» распаўсюджаецца ў рускай размоўнай рэчы пад уплывам тюркскіх моваў [2, 48–49], [6, 193], [7, 169], [14, 221], [20], а імяні з моваў Кавказа, узбекскага, калмыцкага і некаторых другіх [5, 644]. Больш таго, вядучы скандынаўскі славіст А. раннес прадпалагае, што «м-редупликация» можа разглядацца як інтэрфэрэнцыйнае з'яўленне [21, 529]. См. таксама меткае заўважанне Ю. Плёна па гэтым падваду: «Но, как там ни было, *татары-матары* лі якія прадставілі гэты тып словаабразавання ў услужэнне рускім, ці ж сам рускі дух снёс яго стихійна, тып гэты ў рускай мове, ёсць і, хочацца думаць, не лішнія паэту было на нем астанавіцца» [11, 41].

Откуда произошла «шм-редупликация»? Западныя лінгвісты ўвераны, што «шм-редупликация» прыйшла ў англійскую мову з ідыша [16, 606], [19], [22]¹¹, [23, 174]¹². Гэта, відавочна, справядліва і для беларускай і рускай моваў. Больш таго, існуе меркаванне, што прыём

⁸ Правила пабудовы «ху-редуплікацыі», а таксама многіхлічэнныя прыклады прыведзены ў [18], пажадуй, адзіночнай рабоце, прысвечанай гэтаму «шкетліваму» пытуну. Несматра на смелое названне [11], у артыкуле няма нічога непрыстойнага – на матэрыяле літаратурных прадзвядзень рускай мовы разглядаецца «м-редуплікацыя».

⁹ Гэты прыклад заімаваны намі з [19, 302] і з'яўляецца рэкламным слоганам, іспользаваным іздателствам Macmillan Publishers Ltd ў 1956 годзе для прадвядзення кнігі аб нараджэнні другога дзіцяці «And Baby Makes Four: Welcoming a Second Child into the Family».

¹⁰ У павеці «Один день Ивана Денисовича» сустракаюцца і другія класічныя прыклады фу-редуплікацыі, а імяні: – *Шесть их, девушек, в купе закрытом ехало, ленинградские студентки с практики. На столике у них **маслице** да **фуяслице**, плащи на крючках покачиваются, чемоданчики в чехолках. // Бригады, ходившие в ППЧ – плано-производственную часть, – столпились несколько у столба, а один, помоложе, бывший Герой Советского Союза, взлез на столб и протирал термометр. / Снизу советовали: / – Ты только в сторону дыши, а то **поднимется**. / – **Фуимется!** – поднимется!.. не вляет.*

¹¹ И. Голд полагае, что возросшее использование слов из идиша, а таксама шм-редуплікацыі ў канадскіх СМІ служыць своебадыным паказателем «городского шика» [22, 118].

¹² С. Пінкер прылічвае шм-редуплікацыі да Yenglish – «еврейскаму англійскаму мовы» (от Yiddish 'идиш' и English 'английский') [23, 174].

шм-редупликації, проникший в американський варіант англійського простореччя из идиш, был, в свою очередь, заимствован из славянских языков, предположительно, из русского [17, 154], [24, 227], [25, 704].

Кстати, как м-, так и шм- редупликация часто встречаются в текстах (особенно анекдотах), стилизующих «русско-кавказский пиджин» (термин В. В. Иванова [20])¹³ и русско-еврейский пиджин¹⁴.

Информацию этимологического плана по поводу «фу-редупликации» нам найти не удалось. Скорее всего, она используется для эвфемистического замещения ху-редупликации, которая, очевидно, происходит от русского обценного слова, об этимологии которого см. [26].

Выводы

Рассмотренные нами подтипы рифмованных РО – не языковое, а речевое явление. Будучи редко представленными в узуальной лексике, они весьма продуктивны в лексике окказиональной; будучи понятными большинству носителей языка, они не у всех составляют активную модель, являясь скорее определенной чертой речевого портрета того или иного человека. Не меняя денотативного значения редупликанта, м-, шм-, фу- и ху-редупликаторы «видоизменяют» коннотации лексических единиц, делая их в зависимости от контекста то шутливо-ласкательным, то грубо-обценными.

Внутриязыковая и межкультурная инвентаризация единиц, входящих в выделенные подмножества рифмованных РО, показала, что шм-редупликация является своеобразной универсалией в трех рассматриваемых языках, в то время как м-, фу- и ху-редупликации являются фактами речи русского языка, изредка встречаясь в белорусскоязычной речи.

Проведенный анализ также позволил сделать некоторые заключения касательно межкультурной корреляции выделенных подмножеств РО. Перевод шм-редупликаций в трех рассматриваемых языках не представляет трудностей, так как данный тип совпадает в них как структурно, так и функционально. Следовательно, он должен передаваться с использованием стратегии сохранения, которая реализуется следующим образом: перевод лексической единицы + создание «шм-отзвучия» (о способах реализации переводческих решений при передаче РО см. [27], [28]). Вследствие функциональной и семантической близости м- и шм-редупликаций, мы считаем обоснованным передавать данный подтип рифмованных РО белорусского и русского языков на английский язык при помощи функционально аналога – шм-редупликации. Что касается фу- и ху-редупликаций, то по причине их отсутствия в английском языке, следует прибегать к стратегии компенсации, используя соответствующую обценную лексику английского языка.

Литература

1. Шульга, Н. В. Фономорфологическая структура редупликативных слов белорусского, русского и английского языков / Н. В. Шульга // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2010. – № 3. – С. 62–66.
2. Янко-Триницкая, Н. А. «Штучки-дрючки» устной речи: повторы-отзвучия / Н. А. Янко-Триницкая // Русская речь. – 1968. – № 4. – С. 48–52.
3. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – 3-е изд. – М.: изд-во ЛКИ, 2007. – 224 с.
4. Матвеева, Т. В. Рифмованный повтор как экспрессивная лексическая единица / Т. В. Матвеева // Лексическая и грамматическая семантика: межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т им. Ленинского комсомола; отв. ред. К. А. Тимофеев. – Новосибирск, 1986. – С. 82–91.
5. Земская, Е. А. Веселое словообразование / Е. А. Земская // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма: сб. науч. ст. / Российская академия наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 642–650.

¹³ – Ай, дэвушка, пойдём ресторан кюшать – *шайлык-машлык, лобіо-мобіо, зелень-мелень, а?* Такой красивый – нэ должен битъ с папа-мама! (А. Экслер. Дневник Анжелики Пантелеймоновны).

¹⁴ Ср. два «избитых» еврейских анекдота в рус. и англ. языках: *Одесса. Старая еврейка Сара пересчитывает деньги. / Вбегает соседка и кричит: / – Сара! Сара! Твой Изечка умер! / Сара, не останавливаясь: / – Ой, умер-шмумер, лишь бы был здоров.*

Mrs. Berkowitz was bemoaning life in general to her long-suffering husband. / She was extremely worried because their son, Issy, had been to see an eminent Psychiatrist who had diagnosed him as having an Oedipus Complex. / «Oedipus, Schmoedipus! What does it matter,» answered the husband, «As long as he loves his Mother.»

6. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // *Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест* / М. Я. Гловинская [и др.]; под общ. ред. Е. А. Земской. – М., 1983. – Гл. 4. – С. 172–214.
7. Санников, В. З. Словообразование / В. З. Санников // *Русский язык в зеркале языковой игры* / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – Гл. 5. – С. 165–178.
8. Изотов, В. П. Узуальные, потенциальные и окказиональные способы / В. П. Изотов // *Параметры описания системы способов русского словообразования* / В. П. Изотов. – Орел, 1998. – Гл. 2. – С. 40–71.
9. Гугунава, Д. В. Гендиадис-«шмендиадис». О повторах-отзвучиях / Д. В. Гугунава // *Русская речь*. – 2003. – № 5. – С. 46–49.
10. Минлос, Ф. Р. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слов / Ф. Р. Минлос // *Русский язык в научном освещении*. – 2005. – № 1(9). – С. 96–115.
11. Plähn, J. Х*йня-муйня и тому подобное / J. Plähn // *Russian Linguistics*. – 1987. – Vol. 11, № 1. – P. 37–41.
12. Янко-Триницкая, Н. А. Окказиональное словообразование / Н. А. Янко-Триницкая // *Словообразование в современном русском языке* / Н. А. Янко-Триницкая. – М., 2001. – Гл. 3. – С. 462–482.
13. Уринбаев, З. Б. Лингвистическая природа редуplikаций в современном узбекском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / З. Б. Уринбаев ; Ин-т языка и лит-ры им. А. С. Пушкина АН УзССР. – Ташкент, 1982. – 18 с.
14. Крючкова, О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования / О. Ю. Крючкова ; под ред. Л. И. Баранниковой. – Саратов : изд-во СГУ, 2000. – 264 с.
15. Новое в русской лексике: Словарные материалы-81 / Н. З. Котелова [и др.]; под ред. Н. З. Котеловой. – М. : Рус. яз., 1986. – 287 с.
16. Flexner, S. B. Introduction to the Appendix / S. B. Flexner // *Dictionary of American Slang* / H. Wentworth, S. B. Flexner. – 2nd ed., suppl. – NY, 1975. – P. 596–655.
17. Хомяков, В. А. Анализ просторечной лексики: классификация редуplikативных образований / В. А. Хомяков // *Лексикологические основы стилистики* : сб. науч. работ / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена ; под ред. И. В. Арнольд. – Л, 1973. – С. 151–157.
18. Беликов, В. Н. Продуктивная модель повтора в русском языке: вариант для обсуждения / В. Н. Беликов // *Russian Linguistics*. – 1990. – Vol. 14, № 1. – P. 81–86.
19. Feinsilver, L. M. / On Yiddish shm- / L. M. Feinsilver // *American Speech*. – 1961. – Vol. 36, № 4. – P. 302–303.
20. Иванов, В. В. Парные слова с начальным губным носовым / В. В. Иванов // *Лингвистика третьего тысячелетия* / В. В. Иванов. – М., 2004. – С. 142–143.
21. Grannes, A. Zajciki-majciki; turki-murki: An Example of Linguistic Interference between the Turkic Language Karachai (Northern Caucasus) and Russian, in the Spoken Russian of a Karachai Woman / A. Grannes // *Orbis : Bulletin International de Documentation Linguistique*. – 1973. – Vol. 22, № 2. – P. 526–534.
22. Gold, E. English Shmenglish: Yiddish Borrowings into Canadian English / E. Gold // *Proceedings of the 2002 annual conference of the Canadian Linguistic Association* / Université du Québec à Montréal ; ed. by S. Burelle. – Toronto, 2002. – P. 108–120.
23. Pinker, S. The Sounds of Silence / S. Pinker // *The Language Instinct* / S. Pinker. – NY, 1994. – Ch. 6. – P. 158–191.
24. Spitzer, L. Confusion Schmooshun / L. Spitzer // *Journal of English and Germanic Philology*. – 1952. – Vol. 51, № 2. – P. 226–233.
25. Nevins, A. Metalinguistic, Shmetalinguistic: The phonology of shm-reduplication / A. Nevins, B. Vaux // *Proceedings of the Chicago Linguistics Society annual meeting*. – 2003. – № 39. – P. 703–722.
26. Большой словарь мата : в 12 т. / А. Ю. Плущер-Сарно. – СПб. : Лимбус Пресс, 2001. – Т. 1 : Лексические и фразеологические значения слова «х*й» / А. Ю. Плущер-Сарно. – 2001. – 390 с.
27. Шульга, Н. В. Перадача англійскіх рэдуplikатыўных утварэнняў: перакладчыцкія рашэнні і спосабы іх рэалізацыі / Н. В. Шульга // *Роднае слова*. – 2011. – № 8. – С. 40–42.
28. Шульга, Н. В. Анализ результатов перевода редуplikативных образований английского языка на русский язык / Н. В. Шульга // *Проблемы теории, практики и методики перевода* : сб. науч. тр. / НГЛУ им. Н. А. Добролюбова ; редкол.: В. В. Сдобников (отв. ред.) [и др.]. – Нижний Новгород, 2011. – Сер., Язык. Культура. Коммуникация. – Вып. 14. – Т. 2. – С. 171–178.

Summary

The article gives a detailed functional, stylistic, semantic and etymological analysis of four subtypes of rhymed reduplicative words in Belarusian, Russian and English. Relying on the findings of the study, the author puts forward recommendations for translating the discussed types of reduplicative formations.

Поступила в редакцию 06.12.11.